

СЕМЁН АФАНАСЬЕВ

ДОКТОР, 1

Доктор

Семён Афанасьев

Доктор. Книга 1

«1С-Публишинг»

2021

Афанасьев С.

Доктор. Книга 1 / С. Афанасьев — «1С-Публишинг»,
2021 — (Доктор)

Погибший в битве с фантастическими тварями воин оказывается в теле жителя нашего мира – 16-летнего подростка Александра Стесева. Неожиданно у юноши появляются неординарные способности в области медицины. Не имея специальных знаний, он ставит верные диагнозы даже в тех случаях, когда опытные врачи пребывают в затруднении. Есть у подростка и другие дарования. Таланты Александра не остаются незамеченными, и вот уже очень серьёзные люди хотят, чтобы он работал на них. Но у героя свои планы на жизнь, ведь никто не знает, что в кажущемся неопытным юноше скрывается личность матёрого бойца из другого мира.

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	23
5	27
6	34
7	38
8	43
9	47
10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Семен Афанасьев

Доктор. Книга 1

1

Кровь из рваной раны на ноге, пульсируя, выбрасывается небольшим фонтанчиком. Наверное, в ритме пульса – не знаю, я не местный и не врач.

Девочке лет десять или около того: худенькая, высокая для своих лет. Школьная форма и ранец. Водитель автобуса, сбивший её минуту назад, ходит вокруг, машет руками, как журавль крыльями, и пытается доказать окружившим его людям, что он не виноват.

Сотрудник местной дорожной полиции с погонями капитана – высокий, седой, как лунь, поживший мужик лет сорока пяти с тяжёлым взглядом – кладёт водителю автобуса руку на плечо и коротко матом просит не мельтешить.

«Скорая помощь» уже едет. На часах – около восьми утра.

* * *

Странно. Я жив. Хотя и явно не дома.

Более технологичное оружие поначалу помогало. Но потом твари навалились, не считаясь ни с чем, как будто понимали, что нас нужно остановить любой ценой.

Когда погиб командир десанта, Керк тут же отдал приказ отступить, но мы этот приказ проигнорировали: задание надо было выполнить. А вернуться у нас всё равно не вышло бы – нас задавили бы числом на обратном пути. Спец-заряд был с собой, и мы решили хотя бы «достать» источник всех наших неприятностей. Если получится. То, что в этот раз отбиться не удастся, нам было очевидно. В отличие от Керка, который «рулил» с орбиты.

После этого в тактической сети один за другим стали гаснуть огоньки членов группы, по мере выбывания людей. Десант был из двадцати пяти человек, командир выбыл первым, последним в сознании оставался я.

Ловить уже было нечего, пришлось подрывать боеприпас. Лично. Что я и сделал.

Потом стало понятно, что экосистема действительно чувствовала наши намерения. По крайней мере, в части агрессивности. В момент подрыва, поставившего точку в моей истории в нашем мире, остров со всей флорой и фауной, оказавшийся каким-то органическим частотным модулятором, щедро поделился со мной всеми доступными ему частотами. Выплеснув в эфир, как тогда показалось, модель Вселенной. В виде одного сжатого сигнала. Фрагментарно осевшего лично мне, прямо в мозги. Про всех остальных, числом двадцать четыре, ничего не знаю.

* * *

И вот я прихожу в себя. В теле какого-то рахита (прости, Создатель, но тело – действительно не фонтан), в кислородно-азотном мире, который явно не мой, с непонятной мешаниной в голове. Заканчивая утреннюю пробежку и направляясь от озера к дому.

Не успев прийти в себя, на пешеходном переходе сталкиваюсь с толпой людей, окруживших эту девочку, местный автобус и его водителя.

Вместе с телом наследую и мозг аборигена плюс всю информацию в нём. Разбираться с наследством, похоже, придётся позже: под девочкой – лужица (пока) крови, которая растёт

с каждым толчком фонтанчика, вылетающего из бедра, точнее – из разорванного сосуда на бедре. Девочка в сознании, но слабеет на глазах.

Люди вокруг почему-то как заторможенные. Они что, не видят, что ещё немного – и будет поздно? Или это вижу только я?

Естественная система образования тромбов при разрыве сосуда у неё почему-то не сработала. Если оставить всё как есть, эта девочка просто умрёт на глазах у массы задумчивых взрослых. У которых нет с собой даже простейших универсальных аптечек. Что за мир?

Ещё несколько минут – и всё. Если все так и будут ждать «скорую». А если эта их «скорая» придет через пятнадцать минут? Или через полчаса?

Раздвинув людей, быстро подхожу. Спрашиваю полицейского капитана, что со «скорой»? Потухший взгляд капитана оживает, сфокусировавшись на мне:

– Ждать ещё минут десять. Только одна машина в районе, пересменка с дежурства, пробка по Петровской. Наши уже дали сопровождение, чтоб организовать «зелёную улицу» по маршруту, но машина едет через пробку. А ты что-то можешь сделать?

Что ему ответишь? Выгляжу я, наверное, в этом теле после «вселения» старше своих лет. И принять меня за студента мед. института можно вполне. А то и за молодого непьющего выпускника оного. Или интерна. Но вопрос стоит не так, как он его ставит. Вопрос – смогу ли именно я, именно здесь и именно сейчас?

С травматическими повреждениями и рваными ранами я имел дело у нас, но сейчас я абсолютно не в курсе анатомии и обмена веществ местных. Насколько они совпадают с нашими?

В наследство досталось катастрофически мало информации: пацан в свои шестнадцать, кажется, не то что сам не учился, а даже старательно затыкал уши бананами в школе, где его всё же пытались чему-то научить. У нас его и в пять лет не выпустили бы из карантина с таким багажом, не то что в шестнадцать...

Плюс – на ситуацию накладывается шоковое состояние девочки; на её помощь и даже на точную обратную связь рассчитывать не приходится. Вдобавок, ей около десяти лет – значит, ресурсы организма гораздо меньше, чем у взрослого, и болевой порог ниже, и вообще...

Две секунды на сканирование её тела. Новые способности радуют, но до конца с ними ещё не разобрался.

Самое главное повреждение – оно просто алеет в контурах её тела – это рваная рана бедра. Ну и перелом бедра, до кучи. Закрытый, поперечный, неполный. Перелом в данном случае не так важен. Основная проблема в том, что у неё просто вырван «с мясом» кусок бедра. Такое впечатление, что автобус зацепил, как косою или саблей. Бампером по касательной, что ли?

Сейчас без разницы.

Трачу ещё три секунды, чтоб убедиться, что у неё нет перелома позвоночника. По этому поводу есть масса тонкостей.

Всё не так плохо.

Только бы справиться с этим крупным сосудом (мелкие – не в счёт). Главная опасность – растущая кровопотеря.

Обезболиваю, как могу, посылая свой импульс в её нервную систему. И тупо пережимаю пальцем кровящий сосуд.

Его теперь нужно продержат в таком состоянии до приезда «скорой». Что и делаю.

Вот кровь почти остановилась. Ура.

Подымаю голову: люди вокруг никуда не делись, переговариваются о чём-то своём, капитан смотрит в небо и что-то беззвучно шепчет. Спрашиваю его:

– Что по «скорой»?

– Сейчас, две минуты. На соседней улице.

Наконец, из-за спин людей выныривает женщина-врач и становится на колени рядом со мной.

Ура. Успели.

Поднимаюсь с колен и, сделав два шага назад, скрываюсь за спинами людей. Уходя, вижу, как полицейский капитан кладёт руку на шею водителя автобуса, направляя того к полицейской машине:

– Давай! Поехали.

* * *

Мои адаптационные механизмы всё-таки включаются. Скорость мыслительных процессов вырастает, и к тому моменту, когда я покидаю место ДТП, информация в голове полностью укладывается.

Во-первых, местные действительно «живут медленнее» – из-за скорости метаболизма при 1G, в отличие от моего родного 2G. Думают, соответственно, с той же скоростью, с которой и живут.

Во-вторых, все три части моей личности прекрасно согласуются между собой: моё прошлое в нашем мире. Прошлое этого парня, Саша, в которого меня занесло. И импортированный островом-модулятором при взрыве «пакет» нашей экосистемы.

* * *

Прихожу домой, не понимая, что делать дальше: чувствую, что не всё могу оценивать адекватно.

Впрочем, самое главное – жизнь продолжается.

Направляюсь на кухню. Смотрю с полминуты в окно и чувствую голод. В широкую кастрюлю отмеряю стакан муки. Потом – полстакана кефира. В кефир – пол чайной ложки соды, перемешать. Вымешиваю три минуты тесто до появления в нём пор. Раскатываю тесто в один большой тонкий слой. Густо намазываю томатной пастой. Выдавливаю измельченные два зубка чеснока. Щедро посыпаю тёртым сыром, потом впечатываю десяток колец сыровяленой колбасы.

Спихватываюсь и добавляю слой мелко нарезанных помидоров и перца чили.

Духовка уже разогрелась.

Ставлю полученное на пять минут в духовку на двести пятьдесят градусов. К тому времени, как моя пицца, судя по запаху, готова, я уже пью томатный сок.

* * *

Делать абсолютно нечего. У меня сейчас каникулы. Живу один. Не работаю. Никаких действующих обязанностей в этом обществе не имею, кроме как ходить в школу. Но, во-первых, туда идти только первого сентября. Во-вторых, судя по количеству важной информации в моей голове, я – который Саша – даже и после первого сентября школу посещением не сильно баловал. Либо беспробудно спал на занятиях.

ИЛИ – этот мир чертовски отличается от моего родного. И тут просто не нужно напрягаться для выживания.

Разрезаю пиццу на куски, складываю их стопкой на овальной тарелке и устраиваюсь в кресле перед компьютером. Будем сравнивать информацию в моей голове с другими источниками. Инфосети знают и здесь.

В этот момент звонит телефон.

К телефону сейчас подходить даже не собираюсь: по понятным причинам, не до того. И ещё пару дней будет не до того.

Нужно разбираться с «наследством».

В свои шестнадцать лет я тут не кормлю себя сам. Никакой полезной социальной нагрузки не выполняю, потому на общественную систему распределения материальных ресурсов рассчитывать не могу. Впрочем, если верить интернету, эта система и не работает толком, на неё рассчитывать глупо.

При этом лично я уже пару лет живу один. У нашей семьи раньше были две однокомнатные квартиры через стенку, на одном этаже: родители – ещё не старые, и мы с сестрой их порой стесняли. Кухню второй квартиры, за ненадобностью, переделали в отдельную комнату, которую забрала себе сестра.

Потом отца отправили в командировку за рубеж, где он прижился, устроился на работу в местную компанию и остался. Мать с сестрой остались с ним. Теперь они – типичный тамошний средний класс. Их доходы там уходят на сестру, поскольку её иноземный университет обходится намного дороже моего лица.

Бабушка с дедом – в деревне. Я за границу не поехал, поскольку предполагалось, что бабушка с дедом переедут жить ко мне, и мы будем друг за другом присматривать. Но этого не произошло, так как они сбежали из города обратно в деревню буквально через неделю: и воздух не тот, и вода в кране синтетическая, и молоко в магазине из порошка.

Деньги нам присылают мои родители.

Что в корне противоречит и моим личным принципам, и логике автономности.

Так определяется моя самая первая задача: мне нужно искать свою функцию (тут говорят – работу).

Впрочем, насчёт рахитичного тела и отсутствия социальной нагрузки я частично погожился. Я, оказывается, профессионально плаваю. За сборную области. Планирую подняться на уровень выше.

В моём родном мире этот навык вообще отсутствует как невозможный, потому я его поначалу и упустил из виду, как и специфику развития этого тела: оно не для 2G, оно для плавания при 1G. Сегодня на тренировке оценю, что это даёт.

Поскольку есть нужно каждый день, поиск работы решаю надолго не откладывать. Составляю таблицу требований, которым работа должна отвечать: доход не ниже среднего по городу (для неквалифицированного персонала); в пешеходной доступности от дома; гибкий график; без ограничения по сложности. После перебора вариантов из памяти и интернета остаётся на ближайшем: в двух сотнях метров от моего дома есть автомоечный комплекс. Постоянно меняется персонал: я-прошлый это видел, но не расценил как возможность.

Сегодня вечером пойду договариваться, а пока пробежусь по городу – ещё немного освоюсь.

После пешей прогулки по городу хозяин здания, в котором находится мойка, отвечает, что на мойке работают арендаторы. Их директор в боксе бывает по вечерам, с шести часов.

В полседьмого директор арендаторов, тридцатилетний высокий парень в очках по имени Илья, окидывает меня взглядом:

– Что хотел?

– Здравствуйте. Я живу в соседнем доме, – показываю на свой дом через дорогу, – по семейным обстоятельствам мне нужна работа. У вас регулярно новые мойщики и регулярно простаивает пара боксов. Что нужно, чтобы вы взяли меня на работу?

Я достаточно хорошо одет, аккуратно подстрижен и внешне здорово отличаюсь в лучшую сторону от его сотрудников – в первую очередь, опрятностью и ухоженностью. Директор перестаёт демонстрировать, что торопится, «включается» и смотрит на меня с любопытством:

– Ты совершеннолетний?

– Нет, но это не минус. Я живу напротив и вижу все проблемы этой мойки. Особенно, когда клиенты орут на ваших мойщиков за залитые водой компьютеры в салоне, поцарапанную обивку и прочее. Из-за возраста я буду очень дорожить работой, если дадите шанс. Понимаю, что должен работать намного лучше, чем ваши сотрудники, чтоб вы согласились меня держать. Плюс понимаю, что платить мне вы будете меньше, чем им: ваши риски от приёма меня на работу должны быть компенсированы.

В глазах директора вспыхивает лёгкий интерес. Сейчас нужно сделать так, чтоб он, согласившись, ничего не терял. Продолжаю наседать:

– Мой возраст – это не минус, а плюс: я не пью, не курю, хорошо учусь, профессионально занимаюсь спортом – это легко можно проверить. Мне не взбрёт в голову ездить на машине клиента, в отличие от ваших мойщиков. Я могу работать в самые неудобные часы – по ночам и вечерам, поскольку для меня они, наоборот, самые удобные – я же учусь. И в отличие от остальных, мне никуда не надо торопиться после семи.

Его вид наталкивает меня на одну мысль, о которой до этого не подумал:

– Давайте поставим эксперимент. Поручите мне какую-то пробную задачу, которую очень не любят ваши сотрудники. Вашей компании эта работа должна быть выгодной. В идеале, регулярной и чтоб её можно было делать в «неудобное» время – с шести вечера до шести утра.

– Как ты относишься к чистке салона? – после паузы что-то решает Илья.

– Если кто-то подскажет тонкости и «узкие места» – буду благодарен. Учусь быстро. Давайте попробуем сделать так: ваш сотрудник, которому вы доверяете, будет следить за мной и подсказывать. Работаю я. Деньги за мои первые две машины сотрудник забирает себе – это будет моя благодарность за обучение. Потом смотрим на качество моей работы с этими салонами, и вы принимаете решение.

– Кто ж тебя научил общаться? – хмыкает Илья. – Ты, часом, не еврей? Давай завтра после часа дня. Есть моя машина с нечищеным салоном, попробуем на ней. «Убить» в ней ничего не сможешь – всё равно старая CRV. А вот произвести впечатление может получиться.

Итак, мне поручают чистку салона. Первый свой салон, с задним сиденьем, загаженным собакой тёщи Ильи, я драю восемь часов – с обеда и до девяти вечера, понимая, что результат должен быть безупречным. Не скажу, что всё получается сразу, но работа скорее муторная, чем тяжёлая. Попутно вырос, как профессионал: обычная чистка делалась бы воздухом под давлением, чистящей смесью под давлением и водососом (как пылесос, только для воды). Но собака, пардон, сходила в туалет прямо на заднее сиденье (хорошо, что по-маленькому), и помимо обычной чистки, требуются дополнительные операции.

Под руководством Елены, единственной непьющей сотрудницы в возрасте за тридцать пять, разбираю салон, снимаю заднее сиденье и частично разбираю пол. Осваиваю дезодорирование салона.

В девять вечера Илья застаёт меня, собирающего салон:

– Ну, как результаты?

– Машина будет готова через двадцать минут. Заканчиваю.

Илья исчезает за стеклом. Рабочие посты оттуда всё равно видно хорошо.

Через пятнадцать минут выхожу к нему из бокса:

– Готово.

Илья придиричиво залезает под сиденья, поднимает коврики, рассматривает сетку кондиционера, но ничего не находит:

– Удивил. Не ожидал! Честно признаюсь: думал, просто пацан – мажор, делать ему нечего, потом начал жалеть, что согласился. А запах ты как убрал? У меня же на заднее сиденье собака нагадила, три дня с открытыми окнами ездил. Всё равно воняло хуже, чем от тёщи...

– Победить запах не сложно. Есть тонкости, но главное – полчаса гнал «сквозь» сиденье чистящую пену с водой под давлением.

– А инструмент для разбора где брал? – продолжает расспрашивать Илья.

– На первый раз, одолжил у Евгеньевича. Он своим поделился. Если возьмёте на работу – в течение недели накоплю на свой.

– Не надо копить... инструмент дадим... – бормочет Илья, ползая носом по заднему сиденью и пытаясь уловить хоть малейшие оттенки запахов. Которых нет.

Закончив ползать на четвереньках по заднему сиденью и под ним и не найдя ожидаемых запахов, Илья постепенно возбуждается:

– Удивил! Вообще я никогда никого не хвалю из сотрудников – политика Компании. Но тут, наверное, это будет не совсем правильно... Давай так. На работу официально взять не могу, – я вскидываю перед собой руки, показывая, что мне это тем более не нужно, – но работать ты можешь. Судя по «Хонде», работать можешь даже лучше, чем мои. То, что ты не бухаешь, не куришь и не начнёшь это делать – тоже огромный плюс. Теперь смотри. Чистка такого салона, какую ты сделал у меня, стандартно стоит пятьдесят долларов.

– Почему в долларах? – искренне удивляюсь я. – Не в Америке живём.

– Потому что химия для чистки – вся импортная. Если хочешь хорошую химию, реально чистящую и безопасную для персонала. За импорт платим баксами. Сами возим и растаможиваем. Потому себестоимость и прайс за химчистку – тоже в долларах, вернее, в эквиваленте. Не перебивай! Чистка такой «Хонды» в среднем по городу – пятьдесят баксов. Исполнитель получает сорок пять процентов, это двадцать два пятьдесят, если в долларах. Ты у нас несовершеннолетний – тебе я думал платить по пятнадцать. Но сейчас, глядя на «результаты теста», думаю иначе. Сколько таких машин в день ты можешь почистить? – и добродушный человек на глазах превращается в акулу капитализма, которая своего не упустит.

– В день – несколько, днём я учусь. Но сама чистка, если задаться целью, займёт три – четыре часа. Смотря какие будут загрязнения. Это не считая сушки. Но на сушке я уже не нужен. В принципе, две машины за вечер потяну, – и, видя вопросительно поднятую бровь Ильи, добавляю: – При необходимости – даже без выходных. Все семь дней в неделю. Заканчивать в любом случае буду до полуночи или до часа ночи; до утра машины будут сохнуть – ваша сейчас ещё мокрая, например. А в восемь утра их уже можно будет отдавать клиентам.

– Тогда смотри. Я хотел тебе платить по пятнадцать баксов за «выстрел». Но такую работу в городе реально никто не делает – просто никто из мойщиков так не выкладывается, как ты. Проще помыть пять машин, чем за это же время сделать чистку одного салона, а денег с пяти моек почти столько же. И геморроя меньше. Но тема давно назревала: услуга, можно сказать, вообще на рынке отсутствует. Если ты будешь делать два салона в день или полста салонов в месяц с точно таким качеством, – указательный палец в сторону машины, – я смогу на тебя переключить всех наших постоянных клиентов со всей сети, а это два десятка моек в городе. По ценнику – не обидим, давай начнём со стандартных двадцати двух пятидесяти за салон. Но работать будешь строго после шести, чтобы в дневное время бокс не занимать.

Такое предложение – гораздо больше, чем я мог рассчитывать. Потому закономерно спрашиваю:

– А в чём подвох? Я ещё молодой, многого не знаю. Могу спросить откровенно?

Он кивает.

– Меня смущают неожиданные бонусы, особенно в свете поговорки про бесплатный сыр в одном небезопасном устройстве.

– Для тебя подвоха нет. Подвох – у нас, у хозяев автомоек. В этом мире все горазды пиз... – он осекается, – ...горазды болтать языком, одним словом. А работать некому. У нас, если человек хорошо работает на мойке, – он периодически бухает. Когда он в запое – работа стоит, аренда идёт. Если же он не пьёт, то или плохо моет и чистит, или – работает неделю, а

потом уходит на другую работу. Где не надо зимой драить машины в прохладном боксе. Ты, судя по тому, что я вижу, работать можешь. Живёшь удобно – рядом. Первое правило бизнеса какое?

– Не знаю, я ещё не дорос.

– В нашем бизнесе главное – люди. Исполнители. Работники. Первое правило: дело должно быть выгодно всем его участникам. Добросовестный сотрудник, который год проработает на мойке с таким качеством, – палец на «Хонду», – стоит того, чтобы на нём не экономить. Откровенничать пока не буду, но полста долларов прибыли в день дополнительно на одном сотруднике – это очень неплохо. Если умножить на год. А ты, судя по всему, можешь задержаться и дольше – я прав?

– Да. Ближайшие несколько лет точно никуда не денусь...

– Кстати, зарплата у нас подневно: за каждую отработанную смену.

Вижу, что он не врёт, потому договариваемся на пробный месяц. Он сомневается, выдержу ли я физически и психологически, поскольку работа не самая лёгкая. Но он не в курсе всех моих обстоятельств, а я, естественно, не комментирую.

2

Я только что сделал открытие, пытаюсь понять, чего хочу дальше. Эмоциональный настрой напрямую связан с когнитивными функциями. В частности, с креативной созидательной способностью.

Ну, как открытие? Лично для себя открытие. Там – до того, как попал сюда – было не до самокопаний, а тут до этого момента не задумывался в силу возраста.

Пример правильного эмоционального настрой: тот, кто изобрёл колесо, с гарантией 100% не испытывал в момент изобретения ни злости, ни гнева. И жаждой мести не страдал – по крайней мере, на тот момент. Иначе креативная функция не запустилась бы.

В своём текущем состоянии вижу, что гнев, злость, все негативные эмоции рвут нейронные связи в мозгу. А развитие состоит в создании этих связей.

Сегодня весь день изучал местную философию, имеющую массу течений и названий. Один местный парень ещё пару тысяч лет назад очень неплохо описал реальные рабочие алгоритмы правильной ориентации частот мозга. У здоровой креативной личности.

Правда, потом в его алгоритмы добавили политической и экономической конъюнктуры, коммерциализовали и сделали просто хорошую бизнес-схему (она тут называется церковью; судя по тому, что я прочитал – самый древний из сегодняшних прибыльных бизнесов).

Вот изначальная концепция этого парня совпадает с моим сегодняшним видением на все сто. У нас не было возможности предаваться абстрактным умствованиям, а тут до меня дошло: психика в агрессивном либо негативном состоянии не способна созидать. Кстати, теперь понимаю, почему мы там медленно, цепляясь ногтями, упирались, боролись до последнего, самоотверженно шли на любые жертвы – но проигрывали, сползая к краю пропасти: из двух воюющих сторон победит та, которая лучше умеет строить. Проектировать. Адаптировать. В общем, созидать.

А не та, которая утратила половину когнитивных функций, зарывшись по уши в «надстройки» типа гнева, злости, обиды, мечтаний о мести и прочей неконструктивной лабуды.

Я это только здесь понял.

У нас там не было шанса победить, не созидая.

Кстати, чем больше читаю местный интернет – тем меньше мне нравится этот мир, куда я попал. С таким настроем общества, как тут, весь путь цивилизации – тупиковая ветвь. Они делают ту же ошибку, что и мы: фокус на противостоянии, а не на созидании. Хоть бы кто им подсказал...

Скажем, возьмём двух человек, которые не любят друг друга, поселим их по разные стороны непроницаемого забора и зададим две полярные функции.

Пусть один будет раз в час выдавать новое изобретение: лопату, топор, дом, оконную раму, и так далее. А второй, допустим, будет оттачивать боевые навыки.

Потом пусть у них появятся жёны и дети. А через тридцать лет убрать забор, и вот когда они встретятся, у кого будет больше потенциал для дальнейшего? У того, чьи дети не умеют ничего, кроме как бить по почкам?

Или у того, чья семья имеет дом, сельское хозяйство, производство (пусть даже кустарное), технология изготовления инструментов и массу других продуктов созидательной функции?

Жаль, мы этого там не понимали. Кажется, и тут тоже. Впрочем, возможно, это только в том месте, где живу.

Ещё из интересного: у местных есть описание одной психической болезни. Это когда человек считает, что в нём живут две и более личности. Развеселило.

На всякий случай, для проверки тут же посмотрел в окно на кота: слава Создателю, всё на месте. Вот скелет, вот нервная система, вот их частоты.

Хе-хе, чуть не испугался.

Впрочем, я себя ощущаю единой личностью. С несколькими блоками полученных знаний и навыков.

И теперь понимаю, чего хочу.

Хочу развивать свою созидательную функцию (а не как там).

Это, впрочем, никак не отменяет личной подготовки. С такими внутренними противоречиями, как в этом мире, человечеству никаких внешних врагов не надо.

Что ещё зацепило. Тут масса личностей, наплевавших на своё личное развитие, при этом они старательно пытаются управлять развитием других людей: различные церкви, менеджеры периметров (тут называются политиками), операторы функций (тут их можно отнести к бизнесменам).

Очень много примеров, когда коллектив таких вот «управляющих» искажает или прерывает развитие других даже не ради собственной выгоды, а из зависти, глупости или безразличия.

Выучил тут новое слово: бездушие. У нас бы его не поняли, но здесь оно имеет смысл. Когда нет внешней угрозы, путь человечества определяется только им самим.

Биологических вариантов – всего два, генерация или разрыв нейронных связей. Генерировать, кстати, тоже можно рациональные связи или паразитные...

Но тут большинство вообще не идёт по пути генерации.

* * *

В числе прочего, для лучшей адаптации принял решение получить какую-нибудь стандартную подготовку по одной из местных открытых методик. Для гармоничного развития мне хватит и этого. Дополнительные контакты тоже не помешают – информации о мире много не бывает.

В секции бокса заканчивается тренировка, подхожу к тренеру:

– Здравствуй. Я хотел бы у вас заниматься. Насколько это возможно? И что для этого нужно?

– Привет, – «мажет» меня взглядом тренер, – «для себя»? Или слава великих покоя не даёт?

– Исключительно для себя. Великие стали великими не потому, что к этому стремились. А потому, что всё вложили в саморазвитие. Мне так кажется.

– Молодец, соображаешь... Тем более, что тебе в силу возраста великим уже вряд ли стать.

Тут я с ним не спорю. Во-первых, и сам не рвусь в «великие». Во-вторых, я в курсе местных предрассудков о важности возраста для чемпионства. Хотя это не столько предрассудки, сколько несовершенство местных методик подготовки: в большинстве случаев, местные могут развить личный потенциал на 100 % только в том случае, если начали с раннего детства.

– Почему именно к нам?

– «К вам» – в бокс? Или «к вам» – в эту секцию?

– И то, и другое.

– По первому пункту – мне нужно что-то, что реально повлияет на меня, как на личность. Самое большое (по модулю) влияние – там, где самые большие ресурсы. Ну, деньги, – перевозу, видя затуманившийся взгляд тренера, – а денег в мировом боксе в десятки раз больше, чем во всех остальных аналогичных дисциплинах, вместе взятых. Значит, бокс – самый крутой. По второму пункту – ваша секция рядом с домом. И у вас работает Александр Володин, – био-

графия Володина есть на сайте клуба. Он – чуть ли не единственный мастер спорта в городе, пришедший в бокс после армии, а не в детстве.

– А-а-а, Саня... Ну да, он тут... Но имей в виду: ты к нему попадёшь не скоро – Саня как раз и работает только с командой мастеров именно потому, что по детям не спец. В армии где служил?

– Мне шестнадцать. Выгляжу старше, – и врать не приходится, и вопрос снят.

– Тогда смотри расклады. Заниматься тобой специально никто не будет – ты бесперспективен для спорта, а больших денег, чтобы компенсировать индивидуальное время тренера, у тебя нет. Бесплатно именно ты ходить сюда тоже не можешь – по крайней мере, пока – по той же причине. Для начала, гони две тысячи в месяц, и можешь приходить в любое время, когда ходят новички – на двери расписание. Твой тренер – я, до группы Володина надо дорасти. И последнее: самостоятельно ты заниматься не можешь, поскольку ничего не умеешь. Это и тебе ничего не даст, и риск для здоровья.

– Сколько стоят индивидуальные тренировки?

– Две тысячи каждая. Время назначаю я сам, когда мне удобно. До пятнадцати тренировок в месяц. Если больше пятнадцати, то уже по три тысячи за тренировку, потому что под тебя придётся перекраивать своё расписание.

Такие деньги у меня, благодаря работе, уже есть, но опыт учит, что со своими инициативами имеет смысл лезть только после базового курса. Чтоб не выглядеть в итоге дураком.

– Согласен?

– Да.

– Тогда жду тебя здесь, как соберёшься, со справкой от врача о состоянии здоровья, двумя тысячами за первый месяц и тремя тысячами за две пары перчаток (учебные и боевые), бинты, капу и два шлема (тоже один учебный). Снарягу можешь брать не у нас, а где найдешь сам, но у нас цена и качество будут лучше, чем у того, что тебе впарят на стороне. Ты не в теме, производителей не знаешь. То, что расползётся через неделю, не отличишь от того, что прослужит год. И в магазине цены выше, чем у нас – мы оптом закупаем для себя и на своих не наживаемся.

* * *

Взяв в поликлинике справку, на первую тренировку иду, не откладывая. Она немного разочаровывает: более половины времени тратится на общефизическую подготовку; тут я сам мог бы поучить и тренера, и того, кто его учил.

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят – возможно, это самый первый тест, чтоб отсеять «лишних». А на индивидуальные тренировки я пока не закладывался.

Отработка культуры движений начинается с перемещений и простейшей координации мышц ног, тела и рук в процессе удара.

Прошу тренера десять раз повторить упражнения «для тупых», чем зарабатываю уважительный «мазок» взгляда. В отличие от остальных, я смотрю не на результат, а на закономерности процесса. И замечаю, что у тренера мышечные волокна, которые нужно задействовать в момент удара, имеют единую частоту – «резонанс». А у всех новичков частоты разных мышц не согласованы и глушат друг друга. Отсюда и внешняя корявость, и погрешности, за которые каждого периодически дёргают.

Теперь понятно, зачем в зале бокса зеркало.

Не глядя на других, очень медленно повторяю движения тренера. Несколько десятков раз. Постепенно добиваясь резонанса во всех задействованных мышцах. Добиваясь, чтоб волновая проекция моего движения не отличалась от тренерской.

Далее постепенно увеличиваю скорость и амплитуду. В конце занятия ловлю себя на том, что ко мне тренер ни разу не подошёл, только глядел со стороны; а другие уже закончили и уходят.

– Сергей Сергеевич, вы ко мне не подходили сегодня; пожалуйста, посмотрите, всё ли правильно?

– Потому и не подходил, что всё было правильно. Не хочу хвалить (плохая примета), но усваиваешь не просто быстро – молниеносно. Раньше каким спортом занимался?

– Я и сейчас занимаюсь. Плаванием.

– О. Как там успехи?

– Там – плаваю за область. В основном составе. Включая эстафету.

– А чего тогда сюда пришёл?

– Сюда пришёл для саморазвития, я говорил вам утром.

Не знаю, как ему объяснить, что есть два базовых пути Развития, и по обоим нужно идти параллельно: тело быстрее всего развивается через мозг – я только что это ещё раз подтвердил. Но и мозг тоже развивается через тело. Тут есть даже целые школы на эту тему – правда, изначально их корни не в Европе, а на Дальнем Востоке.

У меня к этому телу масса вопросов и ожиданий; и чем больше я в него вложу, тем точнее будет итоговый результат.

* * *

С утра вваливается бабушка, вся в слезах. Дед заболел воспалением лёгких на фоне сердечной недостаточности. Госпитализировали ещё три дня назад. Мне пыталась дозвониться, но вначале не смогла (это когда я трубку пару дней не брал), а потом рассудила – какой с меня толк.

В больнице, куда его уложили, выкатили такой список лекарств (ежесуточно), что даже мой отец ТАМ удивлённо присвистнул, поглядев на суточный счёт из стационара (бабушка подсуетилась и разобралась, наконец, как звонить через скайп – за обычный звонок её давила жаба даже в этой ситуации). Плюсую сюда стоимость медсестры в сутки – отходить от деда было нельзя. В реанимации, куда уехали деда, главврач откровенно сказал, что шансов менее двадцати пяти из сотни.

Несусь в больницу и сталкиваюсь с тем, что ничего не могу из-за возраста. Меня никто не воспринимает всерьёз. Бабушка отмахивалась, искренне считая меня ещё маленьким. Зав. отделением, он же и.о. главврача, вообще сослался на запрет посещения в реанимации. А я понимаю, что мне нужно срочно увидеть деда, если я хочу хоть как-то контролировать ситуацию.

Вызываю заведующего в укромный угол вестибюля, чтоб никто не видел, и откровенно говорю:

– Дайте хотя бы попрощаться, если не можете вылечить. Я из-за деда с бабушкой за границу не переехал жить, а вы сейчас инструкцией охраняете свой покой, а не его. Вы сами говорите, что три четверти шансов за то, что не выкарабкается. Но при этом не пускаете даже попрощаться.

Слова подкрепил действием, протянув банкноту в пятьдесят евро, оставшуюся от суточных после соревнований в Литве.

Справедливости ради, врач денег не берёт. Говорит, чтоб я пришёл в два часа и что у меня будет три или пять минут.

В два часа я, одетый в белый халат, стою возле деда. Сразу закрываю глаза и, настроившись, тут же озвучиваю свои вопросы врачу, стоящему рядом:

– Доктор, а почему вы думаете, что он с вероятностью три четверти не выкарабкается? Вижу три проблемы. Они настолько критичны?

Зав. отделением, не ожидавший такого поворота событий, тем не менее никак не показывает своего удивления (участившийся пульс «вижу» только я):

– Я, как врач, вижу больше трёх проблем, но объясню, когда выйдем.

Ситуация не та, чтоб миндальничать, потому говорю максимально откровенно:

– Микрофлора в дыхательных путях, которой быть не должно – раз. Даёт интоксикацию. Второе – жидкости в лёгких и вокруг них непропорционально много. Что категорически неправильно. И третье: маленькие трубочки, по которым жидкость из лёгких откачивается куда-то (не могу разобрать, нужно время), не успевают убирать всю жидкость, которая поступает. Попростому говоря, насос не успевает откачивать поступающую воду. Из-за этого сокращается рабочая поверхность легких и снижается поступление кислорода в кровь. Это – то, что вижу я. Можно сравнить с вашим мнением?

Он хорошо владеет собой, но я «вижу» все стандартные элементы его стресса (пульс, прилив крови и т. д.). Хм, вроде это я сейчас должен сходить с ума от стресса из-за деда, а не он...

Врач отмирает:

– Ну, можно и так сказать. Но вот с этими проблемами, говоря твоим языком, мы и не можем справиться. Из-за них – в его возрасте, при его клинической картине, это обычно и заканчивается... – мужик замялся.

– Доктор, так давайте попробуем откорректировать систему. Его систему дыхания заливают жидкостью. Эта жидкость – попытка удалить интоксикацию как продукт флоры, которой в системе быть не должно – видно, что частота колебаний чуждая, генерация колебаний автономная. Канал откачки жидкостей тоже можно усилить. Ненадолго, как минимум. Кажется, это лимфатическая система, – осеняет меня воспоминание уроков анатомии.

– Мы всё это время пытаемся «откорректировать систему», – холодно бросает врач. – Поверь, мы не курим сигары сутками, не зная, чем бы себя занять.

– Пожалуйста, скажите, вы все эти три дня сражаетесь с этим результатом?

– Да. И то, что он жив, это очень хороший результат.

– Ясно... Пожалуйста, дайте минуту.

Пока мужик пребывает в прострации, делаю замеры. Вот скорость генерации шлаков микрофлорой – настроившись, я чётко вижу эти чуждые организмы. Вот скорость поступления «воды» из организма в систему. Вот скорость откачки «воды» из системы. Систему просто «заливает».

Там я не был ни врачом, ни биологом, но этот пункт тамошнего протокола биологической безопасности очень хорошо помню: он написан на инструкции к каждой универсальной аптечке.

Уж чего-чего, а бактерий и вирусов там хватало, и мутировали они очень бодро – не в пример местным.

Первое, что надо сделать – погасить паразитные колебания. Только в роли универсальной аптечки сейчас буду выступать я сам.

Тупо подаю на колонию микрофлоры, не разбираясь в её деталях, свою частоту. Усиливаю амплитуду. И вижу, как генерация колебаний «примеси» прекращается. Почти моментально. Почти все представители микрофлоры становятся крайне нестойкими при подаче им на мембраны (или что там у них снаружи) чужой частоты. Я давно не страдаю от инфекций. Надо было просто убить эту патогенную флору, или как там оно называется.

Озвучиваю:

– Лишнюю флору санировал. Сейчас верну частоту в лёгкие. Дайте ещё три минуты.

Подаю частоту крови деда на лёгкие. Фиксирую.

Вижу, диффузия кислорода скачкообразно усилилась.

Опа! Дед делает несколько глубоких вдохов – чуть ли не зевает – и лицо сразу меняет цвет, даже невооруженным глазом видно насыщение кислородом.

Последний момент: замеряю скорость оттока «воды» из «системы» и сравниваю со скоростью поступления её же. Ура. Отток превышает.

Сверяю частоты. Частоты в норме. Соответствуют частотам деда. Согласованные. Паразитных частот нет. Автономная генерация исчезла.

Говорю врачу:

– Микрофлоры нет. Та жидкость, что «заливала» ему лёгкие, сейчас откачивается из них быстрее, чем поступает – отёк спадает. Диффузия кислорода в кровь выросла, сейчас почти на том же уровне, что у вас. Ну или процентов на десять ниже, чем у вас, но для системы это не критично. Доктор, по вашим планам, это и нужно было сделать? Или что-то ещё?

Зав. отделением, высоко подняв брови, какое-то время беззвучно ими шевелит, то поднимая, то опуская:

– Да, это и нужно было сделать. Так, выходим отсюда, и дай свой телефон – нам нужно поговорить.

Выходя первым, слышу, как он что-то бормочет, думая, что его не слышно.

3

Плавать мне понравилось. Непередаваемые ощущения. Был не прав, когда думал, что тело рахитичное: нормальное тело, если оценивать с позиции плавания в воде.

Без навыков этого тела сам плыть бы не смог – очень непривычная культура движений.

Пытался применить тот же метод, что в зале бокса. Чуть не пошёл ко дну. Прекратил экспериментировать, когда тренер с бортика стал кричать, чтоб не баловался. Тогда включил мышечную память тела – и всё встало на свои места. Правда, пришлось добавить гемоглобина в кровь – чтоб исчезло ощущение кислородного голодания. Не знаю, как я раньше плавал: дистанция полтора километра, разбитая на пятнадцать сотен, в режиме сто метров за минуту двадцать секунд, смывает кислород из тканей, как ливень – муравьёв с асфальта.

А таких дистанций и режимов – несколько за тренировку.

Причём уровень физподготовки в воде не помог – очень специфический режим и дыхания, и усвоения кислорода. «Техника» рулит.

* * *

Деда из реанимации перевели в нормальную палату буквально через сутки, и его стало можно проведывать. Я ходил к нему каждый день после обеда (разрешённые часы – с двух до шести). С главврачом не пересекался, хотя и оставил ему свой мобил, как он просил. Выписали деда через неделю, я приехал забрать его на такси, и уже в машину мне позвонил тот зав. отделением:

– Добрый день, это Сергей Владимирович.

– Да, я узнал (не стал говорить, что голоса индивидуальны, и его частоты я ни с кем не перепутаю). Слушаю вас.

– Ты бы не мог, после того, как отвезёшь дедушку, выйти на улицу на полчаса? Я знаю ваш адрес из карточки твоего дедушки. Мне очень нужно с тобой поговорить по профессиональным вопросам. По ряду причин я не счёл возможным общаться в больнице.

– Да, конечно. Буду готов примерно через полчаса.

– Я в парке по Гоголя, у вашего дома, на единственной короткой аллее с лавочками.

День солнечный, потому через полчаса я присоединяюсь к нему на лавочке. Он ест мороженое и запивает каким-то лимонадом. Увидев меня, встаёт, выбрасывает обёртку и бутылку в урну и протягивает руку, второй рукой указывая на лавочку.

– Тебя же зовут Саша?

– Да.

– Я спросил твоё имя у медсестёр, они всегда знают всех родственников. Телефон твой ты мне давал, но я тебя записал как «ВНУК РЕАНИМАЦИЯ»... – никак не может перейти к делу, чувствуя неловкость. – Саша, не буду ходить кругами. То, что ты сделал со своим дедом, ты можешь повторить с любым человеком?

– Я могу видеть сигналы узких участков нервной системы (чем больше охват – тем ниже точность). Если у меня получается их интерпретировать, то – да. Могу. Сигналы нервной системы есть у всех.

– А методики терапии? Что ты можешь? – его просто захлёстывает интерес, но он не учитывает разницу в уровнях образования. – С точки зрения патологий и результата?

– Я не оперирую понятиями «методика терапии» и «патология», – развожу руками. – В моём понимании, всё выглядит так: в организме есть системы – например, нервная или мочеполовая. В системах есть программы – например, расщепление жиров при пищеварении или

– рост волос и ногтей. Эти программы записаны в виде колебаний, как на компьютере. Эти программы бывают либо повреждены – например, артроз, псориаз; либо бывают устаревшими, либо не соответствующими текущим требованиям организма.

Мимо проходят люди, и я на минуту замолкаю.

– Я могу стирать, дописывать и корректировать эти программы либо их участки. Но об аппаратной части тоже не забываем: я не могу улучшить ногти на руках, если руки год назад отрубили. Плюс у этих программ есть уровень приоритетности: клеточный, межклеточный, системный, межсистемный, единый – но я пока не разобрался с уровнями. Нет опыта и статистики. Бывает, что по отдельности программы в порядке, но сбой в организме идёт из-за конфликта приоритетности.

Отпиваю воды из своей бутылки.

– Колебания имеют фазу, частоту и амплитуду. Больные «системы» рассогласованы в первую очередь по частотам, далее – по фазам. Все системы организма управляются изнутри самим организмом. Кажется, вы это называете «процессы центрального генеза». Вследствие нарушений как метаболизма, так и механической функции органов (например, переломы костей), их частоты выходят из резонанса – рассогласовываются. Вот я чётко вижу, что в некоторых случаях процессами организма можно управлять не только изнутри, но и снаружи. Примеры – мой дед или пастеризация молока. Молоко можно не только нагреть. Ещё можно выделить в нём все действующие генераторы излучений – живые микроорганизмы, подать на них колебания на частоте, «рвущей» их внутренний резонанс, и они просто погибнут. Вот в случае с дедом мы аналогичным образом справились с микрофлорой.

– Было бы интересно попробовать в инфекционном...

Я серьёзно думал об этом после посещения поликлиники за справкой для бокса, потому знаю, что ответить:

– Сергей Владимирович, вы в армии служили?

– Офицер запаса, как всякий врач, – удивляется он.

– Вы сможете застрелить человека, как офицер? Не морально, а технически?

– Это зависит... Какая дистанция, какая видимость, какое оружие, как он защищён, движется или нет и масса других переменных.

– Вот именно. Тут – то же самое. Я понятия не имею, какие бывают вирусы и бактерии. Не знаю о совместимости своих частот с другими людьми – только с кровными родственниками. Я не изучал микробиологию. Потому не знаю, какие виды микроорганизмов гибнут при смене частоты колебания их значимых систем, а какие – нет. Мне кажется, это тема исследований не одного института. А не вопрос пацану на лавочке, пусть и необычному.

– Логично, – рассеянно говорит он.

– То же самое относится и к вашим методикам терапии. Вернуть систему или часть организма обратно в ресурсное состояние – это не процесс, а проект. Для меня, по крайней мере. И ответить, что я могу, до анализа конкретного случая невозможно. Этот вопрос не имеет ответа в таком формате. Нужны все слагаемые данного уравнения. Вы же не можете поставить диагноз больному, если его нет в больнице?

– Логично, – и он снова погружается в какие-то мысли.

– Вы прикидывали, как можно использовать меня для улучшения качества вашей работы? И для решения задач типа моего деда, когда ваших традиционных медицинских ресурсов не достаточно?

– Была такая мысль, чего уж, – выдыхает он, – но скорее даже не это. Я хотел понять физику и химию процесса, говоря твоим языком.

– Мне кажется, есть вариант, который бы устроил всех.

– Поясни?

– Слона надо есть по частям – давайте, начнём с малого. Если я правильно понимаю алгоритм работы (не вас лично, а вообще), то он выглядит так: первое – диагностика, «что не так?». Второе – поиск причин, почему так случилось. Третье – подбор вариантов, как откорректировать то, что не так. Четвёртое – запуск корректирующих инструментов. Пятое – контроль изменения состояния.

– В определённом приближении, где-то можно сказать и так.

– Так давайте оговорим правила коммуникации и начнём с диагностики. Моё условие: никаких авралов. Вы, на ваше усмотрение, можете подключать меня к тем случаям, когда не можете установить причинно-следственные связи, а время не критично. То есть когда можно предупредить меня заранее, и день-два ожидания никак пациенту не повредят. Это возможно?

– Ну, у нас своя специфика, но такое вполне возможно. Да, такие случаи возможны.

(Чёрт, да. Он же из неотложки.)

– Давайте попробуем, если у вас сложный случай и нужен не специалист более высокой квалификации (это сразу не ко мне), а просто не зашоренный взгляд со стороны – я подъеду и по возможности и поучаствую, как такой взгляд. В течение месяца моё предложение в силе.

Он опять «загрузился» на минуту, после чего говорит:

– Так тому и быть. Интерес мой ты более чем удовлетворил – и академическую, и клиническую части. От совета в определённой ситуации не откажусь. Если ситуация будет складываться так, чтобы всех это устраивало. И я всё время забываю, что ты – всего лишь шестнадцатилетний подросток, выглядишь старше. А когда говоришь – возникает очень сильный контраст между тем, сколько тебе лет, и тем, как ты общаешься.

* * *

Возможно, мне не следовало соглашаться, но рефлексы должны быть не только у личности, а и у общества. Если у общества нет рефлекса социальной ответственности – оно обречено. При любой атаке извне.

Тут это никому не очевидно, поскольку у этого общества нет внешнего врага.

Этому обществу чертовски повезло, что у него нет внешнего врага.

Оно искренне верит, что вершина эволюции – человек.

Они просто не бывали в других местах.

* * *

В секции бокса – как в казино при игре на повышение.

После нескольких часов подряд у зеркала и на снарядах «вне графика», с разрешения Сергеевича, я ещё в начале недели показал ему весь стандартный арсенал «молодого бойца», после которого новичков обычно начинают выпускать на ринг на обусловленные спарринги.

Наверное, если учиться путём копирования, как все, на это действительно уходит несколько недель и больше. Но если копировать не мышечную последовательность, а волновую проекцию, то время сокращается в десятки раз.

Плюс – мне не нужно времени для наработки рефлекса и автоматизма. Их «записываю» напрямую, принудительно.

Когда, спросив разрешения, я несколько часов наблюдал за тренировками и боями «продвинутой» группы, Сергеевич под весёлое ржание назвал меня теоретиком. Однако разрешил и посмотреть, и занять угол зала для тренировки вне моего графика.

Я жаргал вместе со всеми, но наблюдать продолжил.

В обусловленных спаррингах, куда чуть позже допустили и меня, он поначалу перестал веселиться. Потом, меня по очереди мне партнёров и оговоренный рисунок боя, вообще впал в какое-то возбуждение.

После тренировки велел прийти на следующий день вне графика в мастерскую группу, кое-что проверить.

И вот сейчас с каким-то Вовой из мастерской группы, которого я пока не знаю, мы сходимся по команде в центре ринга. Тренер громко орёт: «Вполсилы!»

У каждого из нас – своя задача. Что Сергеевич сказал Вова, я не знаю. Мне велел показать всё, что могу. Не стесняясь: Вова-де справится.

Лично я хочу практически проверить: насколько могу рассчитывать на свои ресурсы, как противовес местным консервативным методикам, при разном количестве практического опыта. В одном конкретном случае.

Действия Вовы я «считаю» напрямую, в момент подачи его мозгом сигнала телу. Однако он мыслит не отдельными движениями, которые я уже умею расшифровать на этапе команды мозга, а целыми схемами и готовыми комбинациями. Не окончив одну связку, начинает вторую. Я запаздываю с реакцией.

Совсем некстати приходит аналогия: ты знаешь иностранный язык, но с тобой начинают говорить быстрее, чем ты успеваешь понимать. Если бы говорили медленнее – ты бы смог эффективно общаться.

Времени «вникнуть» нет.

Выручает то, что в самом начале обратил внимание, как после команды тренера Вова как-то странно весь подобрался, и частоты его мозга синхронизируются с частотами мышц.

Делаю с собой то же самое. Теперь в момент ударов его «резонанс» вредит моему гораздо меньше.

Неожиданно. Оказывается, и так можно.

Плюс – первые пол-раунда оба дисциплинированно исполняем команду «вполсилы». А к моменту, когда азарт сносит все барьеры, я уже адаптируюсь.

То, что я видел в предыдущих группах, говорит: большинство вреда – после удара в голову. Когда мозг по принципу кончика хлыста бьётся об череп.

Оказывается, можно на время синхронизировать частоты головы с частотами тела; это как-то тянет паровозом ещё какие-то процессы, но нет времени разбираться. Изучу на досуге. Главное – сейчас пропущенные удары в голову не дезориентируют. И не сбивают собственного рисунка боя.

Отвечаю ему только «вразрез» его технике, чётко «навстречу», и гораздо более короткими, чем у него, комбинациями. Как ни печально, мой «процессор», работая в разы быстрее, не успевает «прописывать» встречную контр-программу.

А он работает длинными готовыми сочетаниями движений (тут их зовут связками). С более высоким КПД.

Пока что он меня просто «перетаптыкает» ногами.

Мой одиночный удар быстрее. Но одиночные удары на этом уровне – не вариант.

А связка быстрее уже у него, плюс лучше КПД суммы движений. Я недооценил роль автоматизма.

Если сравнивать с танцами, я мыслю движениями, а он – фигурами, состоящими из этих движений.

Справедливости ради, основная опасность – сотрясение или ушиб мозга – не грозит даже при ударах в полную силу, благодаря усиленным сосудам. Хорошо, что сообразил подсмотреть.

Максимально упрощаю свою программу, увеличив скорость до субмаксимума. Чтоб время моей реакции равнялось времени его действия.

После двух раундов Сергеевич спрашивает Вову:

– Ну, как он?

– Сергеич, как молодой Грецов. Только тупая двойка и тройка, но из разных положений и абсолютно без крепатуры. Не готов сказать, что уверенно могу «достать».

Вблизи я просто не даю Воле развернуться, держу дистанцию, так как понимаю, что на короткой дистанции успевать не буду вообще. Плюс – я пока не освоил схем, которые нужны в ближнем бою.

– А если бы в полную силу бились?

– Бьёт не хуже. И держит не хуже. В рамках средней и дальней дистанции – не уверен.

– Вблизи не вяжись, он новенький. Такой задачи нет. Пытайся не всё акцентировать, сдыхаешь.

Я кое о чём начинаю догадываться. И в третьем раунде, в соответствии с моими ожиданиями, его амплитуда постепенно слабеет. Я чётко вижу недостаток кислорода в его тканях. Резко увеличившееся количество радикалов, «засоривших» сосуды.

В четвёртом раунде Вова делает последний «всплеск», но концентрация гемоглобина у него в крови здорово снижена. Как и его функциональное «качество».

Логично увеличиваю гемоглобин у себя и повышаю скорость. Он очень грамотно защищается, местами даже отвечает, но я «вижу», что, будь у нас ещё минут 5 – 10, я бы его «перебегал».

Команда «стоп», и Сергеич возбуждённо трёт руки, забравшись к нам внутрь:

– Вова, ну видишь, я ж говорил – офэпэ ни к чёрту! Я говорил! Саша – молодец. Очень неплохо для начала! В следующий раз посмотрим ещё кое-что...

1

¹ Вот – бой Андрея Курнявки против Джереми Вильямса. Где более медленный, менее разнообразный Курнявка в итоге нокаутирует Вильямса по точно такой же тактической схеме: <https://www.youtube.com/watch?v=SMv8U96fCws>

4

По дороге домой, у самого дома, патрульная машина полиции через мегафон просит остановиться. Сержант, вышедший из машины в одиночку, с каким-то длинным стволом на боку (не разбираюсь пока) подходит почти вплотную:

– Здравствуйте, сержант Волков, отделение по Московскому району. Пожалуйста, предъявите документы.

– Здравствуйте. Я из спорткомплекса, с собой документов не брал – раздевалка не закрывается, могут украсть.

– Где проживаете?

– Вот в этом доме, стоим возле моего подъезда, – показываю пальцем. – Можем подняться – покажу документы.

– Что у вас в сумке?

– Спортивная форма.

– Запрещённые предметы есть? Наркотики, оружие?

– Нет.

– Пожалуйста, предъявите сумку для осмотра.

Из машины выходит лейтенант и присоединяется к сержанту, с интересом глядя на мою сумку.

Я уже отчасти в курсе местных реалий на эту тему, скрывать мне нечего, но от дискуссий пока решаю воздержаться:

– Без проблем, – ставлю сумку им на капот, широко раскрываю её, – но даже если у меня что-то есть, как вы потом будете доказывать, что это моё? Без протокола выемки и понятых?

Увидев снарягу бокса, лейтенант возбуждается:

– С какого комплекса? «АВАНГАРД»-а?

– Да.

– А там у кого занимаешься? У Володина?

– У Солопова. До Володина ещё не дорос.

– Как звать?

– Александр. Стесев.

Лейтенант извлекает из кармана мобилу, набирает номер, и я со своего места слышу голос Сергеевича в трубке:

– Что? Быстро!

– Сергеич, у вас есть Александр Стесев?

– Да, недавно ушёл из зала; что-то не так?

– Та не, всё в порядке; он без документов, и я время экономлю, чтоб к нам не везти... у нас тут отработка...

– Коля, что-то ещё? Срочно?

– Та не... простите... До свидания! – и уже обращаясь к нам: – Я раньше у Сергеича тренировался, до университета. Потом перешёл в команду универа, потом женился, и всё: прощай, спорт. Ладно! Всего хорошего! Иди!

* * *

Что это было? Сергеевич, похоже, известная личность в городе. Хотя, возможно, и только в районе.

* * *

Сегодня в процессе нагрузки я почувствовал, что у моего сигнала подросла мощность. Возникло впечатление, что это – тренируемый элемент.

Дома, открыв несколько десятков сайтов, старательно изучаю всё, до чего могу дотянуться.

Оказывается, местные изначально в развитии пошли чуть по другому пути, чем мы. У нас, в более развитом технически обществе, фокус стоял на модернизации техники для повышения своих возможностей. Да и наша тамошняя флора и фауна были не по зубам невооружённому человеку. По определению.

Здесь, не имея такой агрессивной окружающей среды (с одной стороны), и стартовав из первобытного общества (с другой), местные кучу столетий оттачивали индивидуальные возможности собственного организма.

Сейчас не могу оценить, каким образом это повлияло на эволюцию людей как вида, но достижения конкретных людей, тренировавших организм целенаправленно, поражают даже меня. Разбить голый рукой камень. Разбить камень головой. Пробежать двести километров. Проплыть несколько десятков километров. Нырнуть на сто метров в глубину. Работать на подводно-технических работах (сбор чего-то со дна) на глубинах до двадцати метров без аппарата дыхания (на задержке дыхания – есть целая профессия на Дальнем Востоке).

Есть люди, у которых память в результате тренировки мощнее, чем у компьютера. Есть те, кто вычисляет функции если и не быстрее компьютера, то, во всяком случае, в нём не нуждаясь.

И это – только то, что есть в открытых источниках.

Насколько я успел понять это общество, должна быть и не публикуемая часть. Наверняка есть и те, кто добился гораздо больших результатов, но не стал афишировать ни результат, ни путь, которым к нему пришёл.

Кажется, с учётом местного тела, способного усиливать свои характеристики в процессе тренировки, мои способности тоже должны быть тренируемыми. Ощутимый эффект тренировки, кажется, возникает при их использовании в стрессовом режиме.

По логике, тренироваться должны мощность сигнала, дистанция, точность фокусировки. Посмотрим.

* * *

На мойке вместо работы попадаю прямо в эпицентр скандала. Очень красивая (как по мне) девушка на новом «Паджеро» (но с таким грязным салоном, как будто в нём свиней резали) орёт на мойщиков, что они залили бортовой компьютер полиролем, когда драили панель. Чего она просила не делать!

Мойщики (дежурная пара) лениво отбрыкиваются, не соглашаясь и предлагая отсмотреть всю работу на записи, которая специально ведётся для таких случаев и хранится ещё с неделю.

Обе стороны не слушают друг друга; администратора, который должен, по логике, такое разруливать, сегодня нет из-за болезни, и ситуация вот-вот сорвётся в неконтролируемый штопор.

Я хоть и слабо разбираюсь в психологии, особенно местной, но тут невооружённым глазом видно, что их надо разводить в разные углы ринга. Им просто нельзя общаться вместе: конфликт на уровне физиологии.

Коммуникация в таком формате всегда идёт по одному алгоритму: кто кого загасит. Вот они с переменным успехом и бьются за пальму первенства.

Понимаю, что надо брать процесс в свои руки, если хочу сегодня нормально поработать. Тут нужна третья сторона, или они будут дискутировать до завтрашнего утра. Я ещё не переодевался, потому одет сообразно статусу девушки (она мойщиков частично и не воспринимает из-за их внешнего вида). Выдвигаюсь из-за спин мойщиков и обращаюсь к ней:

– Здравствуйте. Я – Саша, третий сотрудник. Если можно, расскажите мне с самого начала, что случилось?

– Ставила на мойку машину! Говорила: панель не трогать! Теперь панель отполирована, а компьютер – не работает! У меня был всего час свободного времени, потому попросила сделать мойку и чистку салона как можно быстрее! А в итоге и опоздала, и проблем нажила на ровном месте!

Не аферистка – искренне верит в то, что говорит. М-да. Грустно. Поворачиваюсь к братве:

– Соответствует?

– Санёк, да запарились! Всё верно, была такая просьба, но мы же герметизируем стыки! Не могли залить!

Братва тоже искренне верит в то, что говорит. Поворачиваюсь обратно к ней:

– Как вас зовут?

– Лариса!

– Лариса, вообще-то в квитанции, которую мы выдаём при приёме машины, оговорено, что ответственности не несём – пожалуйста, прочтите квитанцию до конца. НО. Давайте всё же попробуем разобраться, раз вы никуда уже не спешите. Вы можете пройти за стекло? Там удобный диван, чай, кофе, бесплатный вай-фай, дайте мне полчаса.

– Не нужен мне ни чай, ни кофе, ни ваш диван! – бросает она и скрывается за стеклом. Наливая себе кофе из кофе-машины и садясь на диван.

Ну, хоть так... Звоню товарищу из секции. Среди прочих знакомых, один парень из второй группы Сергеевича работает по автоэлектрике. Мы уже выяснили, что почти коллеги, и находятся они рядом. Он предлагал обращаться, если что; я не планировал, но как раз тот самый случай.

– Вадя, четвёртый «Паджеро» – не включается компьютер после сухой чистки салона. Клиентка говорит, мы залили. Без тебя лезть не хочу. Можешь подскочить? Прямо сейчас, это срочно.

– 3 минуты.

Они находятся через две улицы, потому уже через 6 минут Вадим держит в руках сгоревший предохранитель и укоризненно смотрит на девушку. Запасные предохранители держим про запас – специфика бизнеса. После замены всё включается, и Лариса долго извиняется:

– Пожалуйста, простите, никак не хотела вас обидеть, – и глядит при этом почему-то не на братву, а на меня. – Очень стыдно, не знаю, как и быть.

– Всё в порядке, рабочий момент. Пожалуйста, не беспокойтесь, – радуюсь, что потенциально серьёзная проблема рассосалась без осложнений. Меня тут типа собралась двигать в старшие по объекту (поскольку я единственный не пью и всегда готов работать), а такой скандал никак не в тему.

– А вы тут менеджер? – после решения вопроса Лариса как-то мгновенно преображается и вместо стервозности начинает излучать феромоны.

– Не совсем. Я – химчистка салона. Просто ухожу последний, закрываю всё сам, сигнализация тоже на мне, потому у меня допуски к вопросам объекта шире.

– А за сколько времени нужно звонить, чтоб договориться о чистке? – к сожалению, это не флирт, наверное, поскольку салон действительно ужасный.

– Дня за три. 5 часов на работу в вашем случае, столько же на сушку. Вечером привозите – утром забираете чистый и сухой. Если хотите забрать в тот же вечер – ночью окна не закрываете, едете с полиэтиленовой накидкой, сиденья будут ещё мокрыми.

В итоге, Лариса наконец убывает, записав мой телефон. А я, переодевшись и проводив с богом братву, наконец приступаю к работе.

Спасибо Вадиму. Смешной момент, но без него всё могло быть намного драматичнее.

5

– ... а ещё в мои годы был такой мастер спорта – Трефилов. Тоже Саша, кстати. Лет на десять меня старше. Он бы и выше мастера пошёл – если бы дали, но он офицером кое-где был, ему перевестись надо было, чтоб из Союза выпустили, а он не хотел переводиться. Чуть ли не единственный чемпион СССР, причём неоднократный, который ни разу не был даже кандидатом в сборную. Он и бил не сильно – так, «мазал», максимум один-два удара в серии с акцентом. И скорость вовсе не запредельная. В общем, ноль – на первый взгляд. Так вот, у него все бои лет пять, которые я застал, проходили по одному сценарию: в первом раунде он давил, его «перебивали», не пускали (он низенький был), держали на дистанции, кто-то просто его переигрывал. Во втором раунде – тоже как в первом, но его соперник начинал выдыхаться. Трефилов ниже всех всегда был в своём весе, и вот во втором раунде, со второй половины, уже такой был рисунок: он давит – его не пускают; но вот его высокий соперник где-то зевает или не успеваает – и Саша в ближнем, прорвался. Бах, бах, бах, всегда тройка, но разная. – Сергеевич, пихая лбом висящий мешок, в возбуждении показывает варианты троек. – И акцентированный только последний удар. И всё – нокдаун. Рефери разводит, считает, снова бокс – и снова соперник через какое-то время зевает. Снова Саша в ближнем, и бах-бах-бах – снова тройка с одним акцентом.

Сергеевич отходит от мешка, вытягивает Вовины руки над своей головой и, ныряя под ними туда-сюда, показывает:

– И ведь все всё всегда знали. Один и тот же рисунок. Много лет. Это при мне пятилетку, а ещё до меня лет десять. Никогда ничего нового. Ну примитивный он был, как трамвай. На первый взгляд. Но весь бой и в третьем раунде – всегда один сценарий. Вроде и удар у него так себе, и тройки его все видно было, но темп боя у него к третьему раунду не падал, а нарастал. И в третьем раунде всех в прямом смысле шатало. И не столько от ударов, сколько именно что от усталости.

Сергеевич перестаёт мелькать под Вовиными руками.

– Вот много лет все тренера в этом весе и перед республикой, и перед Союзом всех своих спортсменов на офэпэ дровичили в два раза сверх нормы: Трефилов в категории. И всё то же самое. Всегда по одному сценарию. С ним в одну половину сетки (турнирной таблицы) вообще никто попадать не хотел – потому что сразу на вылет. А в другой половине таблицы – есть, типа, шанс дойти до финала. Ну, а в финале уже ему сдать, как водится.

– Так, а что в третьем раунде, когда всех шатать начинало? – спрашиваю. На самом деле интересно. Тем более, у меня уже мелькают вполне определённые идеи.

– А в третьем раунде его высокий соперник «сдыхал», обычно на второй минуте. Тогда раунды по три минуты были. И на третьей, на последней, в очередной раз прорвавшись, Саня как обычно: бах, бах, бах – но уже нокаут. Доходило до того, что с ним драться никто не хотел из мастеров ни на республике, ни на Союзе: все уже не по разу раньше продули, и просто ссали откровенно. Были и упёртые, которые раз за разом подтягивали офэпэ и каждый раз пытались справиться. Только ни у кого не получилось. В общем, острили, что бой можно не смотреть и не судить. Можно прийти на девятую минуту – зафиксировать результат.

– И что, его так никто ни разу и не победил? – прорезается Вова.

– Один раз. Последний. И то, как победил... был один камээс из Питера, молодой и ранний, который типа не боялся (потому что раньше не сталкивался). Вот в финале чемпионата Вооружённых Сил они встретились, и бой был в одну калитку. Естественно, Трефилов его гонял, как кот хомячка. Но тот пацан – молодец: он, во-первых, в молодежную сборную Союза шёл (тогда в боксе до двадцати одного года было), во-вторых, он продержался все три раунда – не упал. Стоял, шатало его; Трефилов его, как мешок, месил со всех сторон, чуть не за спину

заходил, особенно в третьем раунде; но тот молодой всё же не упал. Все уже знали, что Трефилов последний раз выступает. И что в сборную ему нет дороги, тоже знали. Так судьи этому камээсу победу и отдали – Сане оно уже до лампочки было. Он со спортом завязывал. Вот и присудили победу камээсу, хотя, конечно, на самом деле о его победе речь не шла.

Сергеевич глубоко выдыхает, набирает воздух и заканчивает:

– Знаете, я это к чему?

– Он всех будет мордовать, как Трефилов? – тыкает в меня большим пальцем рукавицы Вова.

– Да. С другой от тебя стороны сетки. Я ещё когда первый раз на него с тобой смотрел (когда ты в третьем раунде сдулся, и четвёртый сдал), об этом подумал. Что были у Сани Трефилова эти же самые два момента: нокаутировать его не могли, хотя и в голову попадали, а темпа с плотностью боя никто больше двух раундов не выдерживал. При том, что во всём остальном он был – серая посредственность. Кроме воли к победе. А сейчас не три, а вообще четыре раунда – нам и карты в руки.

2

* * *

Мы готовимся к какому-то зональному турниру, на котором хотим переиграть команду института физкультуры. Те, пользуясь «объективностью» судейства и собственными связями с судьями – выходцами из инфиза – все равные бои всегда записывали за собой. Сергеевич в этот раз почему-то занозился, решил что-то там выиграть. Хочет, чтоб в финале вообще никого из инфиза в нашем весе не было, что-то там кому-то доказать. Ставку делает на Вову. Я – запасная лошадь с другой стороны турнирной таблицы. Турнир через полтора месяца, в сентябре, но Сергеевич сегодня требует от нас принципиальное согласие его поддержать; если согласны – начинаем готовиться. Говорит, жеребьёвку берёт на себя. Типа, встретимся мы в финале. Вова – и так фаворит в своей половине сетки, а неудобных для Вовы противников с другой стороны должен «вынести» я – типа, я им буду ещё более неудобен. Даже если проиграю до финала, как минимум очень их измотаю; но в меня он верит и считает, что дойду до финала. А раз мы согласны – как раз есть время подтянуть технику и тактику. Прогресс у меня и так идёт семимильными шагами, а индивидуальные физические особенности такие, что «...тебе на этом уровне можно не бояться: тебя в ринге не убьют».

Сейчас мы лихорадочно нарабатываем каждый своё: я – опыт и скорость «считывания» с Вовой, Вова – «здоровье» со мной.

Я не рвусь ни в чемпионы, ни в финалисты. Но Сергеевич очень просит. Да и возможность быстрой прокачки мне интересна, ибо весь предыдущий опыт там наглядно показывает: чтоб исправить ошибки общества, нужно соответствовать своим потенциалом параметрам задачи. Значит, буду растить потенциал.

² Вот – бой Роя Джонса против Парк Си Хуна в финале Олимпийских Игр в Сеуле, 1988 год, по этому самому сценарию. Победу незаслуженно отдали Парк Си Хуну, за что он лично после боя извинился перед Роем Джонсом. Откровенно признав, что не считает себя победителем, несмотря на решение судей. Правда, Рой Джонс на три головы выше Парк Си Хуна не только в ОФП, а и в технике: <https://www.youtube.com/watch?v=VW2zMsiA4sw> Описание: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BA_%D0%A1%D0%B8_%D0%A5%D1%83%D0%BD

* * *

Со времени выписки деда, я был у Сергея Владимирович Стеклова, заведующего отделением, где дед лежал в больнице, уже несколько раз. Периодически у него всплывает пациент, по которому он просит уточнить ситуацию с точки зрения моей проекции.

Недавно был спор, почти конфликт: он первый раз просил срочно приехать, а я чистил новый лексус по срочному тарифу. Он сказал, что на обследование без меня уйдёт до суток. Случай такой, что я за секунду могу сказать: есть где-то в органе паразит или нет. Работы для меня ровно на пять минут. А пациенту это может помочь принципиально.

«Лексус», бывший в этот момент у меня на чистке, нужен был хозяину рано утром – встречать жену из командировки в аэропорту. А испачкан изнутри он был таким, что жена б ему точно устроила Армагеддон. Подвести мужика я тоже не мог: я всегда выполняю то, за что взялся.

Если слово дано – его нужно держать любой ценой. Я хорошо понимаю, что начало пути неудачника – это когда у тебя слова расходятся с делом. Много примеров. Причем вначале причины для этого «расхождения» могут быть самыми уважительными – вот как сейчас. Но у меня есть мои маленькие принципы небольшого (пока) человека. И своё обещание, от которого зависит другой человек, я по своей воле не нарушу.

Хозяин «Лексуса», кстати, сидел в комнате клиентов все четыре часа, что я чистил, и нервничал, как на войне: отчистится или нет.

К тому же, со Стекловым мы изначально договаривались: никаких авралов. Подъеду по команде в течение суток. До этого момента так и было. А тут он попытался всё откорректировать в одностороннем порядке.

Конечно, по итогам телефонного блиц-общения и у меня возникли неприятные ощущения. Что ни говори, с точки зрения общечеловеческих ценностей, загаженный «Лексус» и человек в неотложке – проблемы разных порядков.

После моих слов, что буду только утром, Стеков занервничал, стал повышать голос и апеллировать к моей сознательности. Но я не уступил и задал в ответ свой вопрос: что у него за богадельня, если без пацана всё пропало: гипс снимут, клиент уедет?

В общем, побросали трубки не на лучшей ноте.

Когда утром, презрев обиду, я всё же приехал к нему, он сказал хмуро, что пациентку ночью родня увезла в Европу: семья не бедная, случай сложный, не стали рисковать потерей времени.

Наверное, он где-то прав. И в определённых случаях счёт действительно может идти на часы или минуты. И в будущем, если я планирую быть ближе к медицине, а не к автомойке, то пока получают одни знаки вопроса.

* * *

Я, кстати, понял, чем хочу заниматься, и теперь у меня есть мечта: своя клиника.

Но не в роли врача, а в роли администратора.

Моя личная гипотеза: наследственная информация в генах может быть изменена снаружи. Путём вмешательства в колебательные контуры, что, судя по моему опыту, сделать возможно.

Изменяя наследственность, можно уйти от кучи вредных предрасположенностей: миопия (которая близорукость); отслоение сетчатки, ведущее к слепоте; куча диагнозов психиатрии; местами – онкология, диабет и ещё миллионы наименований.

По мне, вполне себе нормальная мечта для шестнадцатилетнего тела.

* * *

В обед в бассейне выпыхиваю положенные мять кэмэ разными режимами в рамках сборной области по плаванию. После бассейна, по какому-то наитию, заворачиваю в сторону больницы и внизу набираю мобил Стеклова. На моё счастье, он отзывается сразу:

– Да?

– Сергей Владимирович, я возле вас. Хотел бы поговорить. Когда удобно зайти?

– Можешь прямо сейчас. Я на обеде. У себя в кабинете.

Где его кабинет, я давно знаю. Вхожу, стукнув два раза. Он разливает кофе из электрокофейника в две чашки и делает приглашающий жест рукой. Не чинясь, присоединяюсь.

– Сергей Владимирович, я думал, кем хочу быть. И пришёл к Вам за советом.

– У нас с тобой есть тридцать минут. Уложимся? – отпивает из своей чашки, доставая второй рукой из-под стола печенье.

– Постараюсь.

Рассказываю ему о своей мечте – о собственной генетической лаборатории. Поясняю, почему не вижу себя в мед. институте – там слишком много предметов, которые только дублируют те способности, что у меня и так есть. А если предположить, что имеешь миллион – такую лабораторию вместе с компетентными специалистами можно купить либо построить. Сразу минуя многие промежуточные ступени, которые проходит обычный интерн по пути хотя бы до главврача.

Он серьёзно выслушивает:

– Достойная цель. Как врач вижу несколько обстоятельств, которые ты не учёл.

В нашей стране и аппаратный, и кадровый (как следствие), и технологический уровень не растёт, а катится вниз. Допустим, через десять лет у тебя технически появится возможность иметь свою лабораторию – не спрашиваю, где ты возьмёшь миллион (-ы) за это время. Но допустим. У тебя они есть. Вот в нашей стране, для начала, эта лаборатория обойдётся тебе на двадцать пять процентов дороже, чем на Западе или в Японии. Знаешь, почему? Профильного оборудования мы не делаем – остаётся только закупать. Профильные организации, которые могли бы сделать такое оборудование, у нас либо развалились (если государственные), либо переехали на Запад. В первую очередь – конструкторы, кадровая база. Был такой факультет в институте радиоэлектроники – медтехника. Вот они все на Западе. Хорошие генетики из нашего университета всеми правдами и неправдами по грантам также рвутся на Запад учиться, а потом там остаются. Это касается абсолютно всех медицинских или биологических специальностей. За десять – пятнадцать лет ситуация только усугубится – не спрашивай, почему. Прими как данность. Это я тебе говорю, как чего-то добившийся в отрасли за двадцать пять лет работы функционер.

Дальше. Допустим, оборудование ты закупишь, привезёшь, заплатишь НДС и пошлину – как раз двадцать пять процентов дополнительно. Оформишь лицензию. А кого поставишь работать? Хорошие специалисты, я уже сказал, все на Западе. Правдами и неправдами. Значит, в лучшем случае, тебе придётся брать «второй сорт» – не ленивых, трудолюбивых, но НЕ прорвавшихся на Запад. Либо – не выдержавших там конкуренции.

– А если пригласить иностранных специалистов?

– Не вариант. Во-первых, уровень их зарплат ТАМ несоизмерим с нашими зарплатами. А если даже предположить, что и на их зарплаты ты найдёшь ресурс (это – сотни тысяч в год, твой миллион, считай, сразу закончился), то за переезд к нам они автоматически захотят двойной тариф. Это я тебе тоже профессионально говорю.

Теперь смотри: профильное оборудование – только импорт, для тебя – автоматически на двадцать пять процентов дороже, чем для аналогичной западной лаборатории из-за растаможки по нашим дурацким законам.

Специалисты: либо – неудачники, если наши. Либо – минимум в два раза дороже уровня западного рынка труда, как компенсация за переезд сюда.

Это повлияет на себестоимость «продукта», который будет выдавать твоя лаборатория? Сразу оговоримся. Сегодня нет никаких оснований ожидать перемен к лучшему. Вся отрасль, если говорить о медицине и генетике, в нашей стране движется по инерции на старом базисе времен СССР. Но того запаса прочности уже нет, он давно устарел. А нового ничего не создано и не создаётся. И не создастся – поскольку текущий государственный подход это исключает. Медицина и генетика – отрасли, в которые сегодня надо вкладывать миллиарды. Чтобы хотя бы иметь шанс получить результат через десять – пятнадцать лет. У нас есть соответствующие инфраструктура, законодательство, ресурсы, программы? Компетентно говорю: нет.

– Да, конечно, – загружаюсь я, – получается, у нас все исследования и их результаты минимум в два – три раза дороже. Это если удастся решить проблему кадров, что уже само по себе риск. А ведь её можно и не решить...

– Но и это не всё. Как только ты – если! – начнёшь получать какой-то приемлемый результат, ещё и способный конкурировать с Западом, к тебе тут же придёт наше Государство. И в лучшем случае, останешься без своей лаборатории, но с деньгами. В худшем – управлять твоей лабораторией будут совсем другие люди. Совсем не по твоим планам исследований и не по твоим задачам. Так что реальны только два варианта. Либо твоя лаборатория банально прогорит, не выдержав конкуренции с более технологичным Западом. Либо – если ты каким-то чудом начнёшь побеждать – у тебя всё равно в итоге не будет такой чудесной лаборатории.

– Как так? – удивляюсь. – Это что, узаконенный государственный рэкет?

Стеклов молча хлопает меня два раза по плечу.

– Саня, ты – хороший, добрый, чистый парень. Лично я желаю тебе лишь удачи, и не только из меркантильных побуждений. Ты пришёл за советом? Считай, что я – твой дядя. Вот мой тебе совет: первое – деньги. Думай, где взять деньги на твои затеи. Очень большие деньги. Они главнее, чем твои мозги, пусть и неординарные. Второе: когда у тебя получится обеспечить эти деньги, ты сам, на основании личного опыта, поймёшь, почему в нашей стране такую лабораторию открывать не нужно. Начерно – я тебе описал: твой продукт просто на ровном месте окажется в два раза дороже импортного. Кому он будет нужен с неконкурентоспособной ценой? Уже молчу о конкурентности результата... И напоследок. У меня есть сын, от бывшего брака, но мы общаемся. Он в прошлом году окончил школу. Я лично отговорил его идти в медицинский. Вот максимум, что я могу для тебя сделать – это честно сказать: забудь об этой стране, как о базе для твоей идеи. Тут у тебя ничего не получится. Ни по кадрам. Ни по оборудованию. Ни по реализации результата, если вдруг (!) ты каким-то чудом получишь что-то интересное.

– Неожиданно, – ставлю чашку на стол. – Есть о чём подумать. Спасибо за информацию и кофе, не ожидал.

– Саня, это жизнь. А ты ещё – просто мальчик в ней. Умный, добросовестный, пытающийся идти путём, который лично я, как старший товарищ, очень уважаю, – но просто мальчик. Который не до конца понимает практические реалии.

Ещё минут пять мы молча пьём кофе, думая каждый о своём. Как-то беспросветно. Хотя я понимаю, что он прав. Моих знаний хватает, чтобы, критично всё обдумав, с ним согласиться по всем пунктам.

– А как добиваться успеха на Западе – я тебе не советчик. Я как раз из разряда неудачников, которые на Запад прорваться не смогли. Разве что, пользуясь возможностями и плюсами нашей реальности, развить и отточить твои собственные умения и навыки тут.

– Что вы имеете в виду?

– Мой однокурсник открыл на паях частный медцентр. Сам в нём – главврачом. Возле каблиновской больницы. Половина его специалистов – также оттуда. Клиенты – люди, которым по средствам лечение на Западе, но в силу разных причин они не могут туда мотаться. Я там своего товарища регулярно консультирую – частным порядком, поскольку администратор и бизнесмен он чудесный, а вот врач – не особо. У меня и там бывают случаи, по которым я бы с удовольствием консультировался с тобой. Если ты решишь системно разрабатывать и тренировать свои навыки – могу посодействовать с «полигоном». Там лично для тебя есть вариант развернуться в хорошем смысле, под компетентным присмотром, не опасаясь никаких подводных камней.

– Можно ещё кофе?

– Да без проблем. Только сам заваривай. – С.В. подходит к открытому окну и закуривает. Пока засыпаю кофе, пока закипает вода, обдумываю то, что сейчас услышал. Прихожу к очень некомфортным выводам:

– Сергей Владимирович, получается, вы сейчас намекаете, что, с точки зрения перспектив развития фундаментальных основ генетики и медицины, наша страна – аутсайдер? И находится географически тут, «внутри системы», всё равно что Шумахера пересадить на «Жигули» или «Запорожец»?

– Я тебе не намекаю, а открыто пытаюсь это донести. Более того. Это – не моя частная позиция. Это – позиция нашего замминистра по науке. Озвучиваемая и в парламенте, и в кабмине, и даже на более высоком уровне. Но чтобы что-то изменить, нужна готовность страны вкладывать миллиарды сегодня. Без гарантии что-то получить завтра. А о долгосрочных инвестициях в фундамент по генетике или медицине именно в нашей стране речь не идёт.

Я тебе больше скажу. Есть такая вещь – называется «международное разделение труда». Обычно о нём говорят экономисты, но у врачей что-то подобное тоже есть. Вот мы традиционно сильны в военно-полевой хирургии. Корифеи, гордимся, никто уже больше ста лет не спорит. Шри Ланка, например, сильна в трансплантологии – другое дело, что там 90 % мирового «чёрного» рынка трансплантаций. Но сейчас не о том... Германия – традиционно сильная психиатрическая школа. Китай очень силён в сфере опорно-двигательного аппарата: кости, суставы, скелет – это то, то я вижу как врач нашей школы. Не могу никак оценить Пекинский Университет Народной Медицины. Есть мнение, что они сильны и в профилактике – но тут сложно обсуждать; трудно доказать, что ты заболел бы артрозом, если ты им не заболел...

Так вот. В рамках международного разделения труда, применительно к медицине, у нас есть свои ниши. Хотя бы и кардиохирургия. Но даже там последнее слово в имплантах сказано не нами: наши классные хирурги делают классные операции чужими материалами и на чужом оборудовании. Более того. Чтобы сертифицировать оборудование в стране, знаешь, сколько нужно времени?

– Сколько?

– А порой и до трёх лет. А сколько времени нужно, чтоб его разработать, «довести» и подготовить под ключ к сертификационным испытаниям? То-то и оно. А сколько денег? Это – целая индустрия, в которой мы не то что аутсайдеры. Мы вообще не участвуем.

– Это как идёт чемпионат по плаванию, а наша страна не приехала в нём участвовать?

– Да. Можно и так сказать, – смеется Стеклов. – Какое-то время мы ещё «проедем» на инерции предыдущей подготовки. Но через несколько чемпионатов мы отстанем и в методиках подготовки пловцов, и в методике подготовки тренеров, и бассейны – если этой аналогией пользоваться – изнасятся и закроются. А новых бассейнов мы не строим. И открыто заявляем, что строить не на что. Так что, опять же пользуясь твоим языком, если ты хочешь быть в десятке лучших пловцов мира, тебе нужно переходить из сборной Танзании в другую страну – туда, где хотя бы есть бассейны и вода в них.

– Кажется, понял...

– Саня, я очень рад тебя видеть, но мне пора. У тебя сейчас каникулы?

– Да.

– Ты когда занят на своей мойке? Вернее, когда свободен бываешь? В конце недели в Новой Клинике (она так и называется – НОВАЯ КЛИНИКА) будет пациентка. Я тебя заранее извещу. Пожалуйста, подойди посмотреть. Пока без подробностей, но это может быть полезно абсолютно всем, включая тебя. Могу на тебя рассчитывать?

Стеклов после того случая с конфликтом интересов не обращался. Вероятно, обиделся.

С лёгким сердцем говорю:

– Конечно. И это... извините за тот раз. Я понимаю, что неправильно было не приехать к вам. Но так же неправильно было бы не сделать работу там. Я просто слишком молодой, и пока не научился делать так, чтобы никого не подводить.

– Проехали. – Стеклов «расцветает» внутри, но это вижу только я.

6

Сегодня в бассейне вся сборная плывёт «на досках» шесть километров: ложишься руками на специальную плавательную доску и гребёшь километр только ногами. Потом – только руками (доска между щиколоток). И так по кругу.

Не знаю, что развивает такое упражнение, но выполняю дисциплинированно. Плыть скучно. Рядом на дорожке гребёт Ануш – высокая черноволосая перворазрядница на год старше меня. Она сегодня весь день кислая, вытаскиваю её на откровенность. Она вначале отмалчивается, потом признаётся:

– Да есть проблема. Позавчера столкнулась в кафе с одноклассником. Случайно залила ему новый планшет. Сегодня надо или отдать отремонтированный, или купить новый. В ремонте сказали – не подлежит. А Колька давно клинья подбивал, и тут ему такая возможность...

Она не договаривает. Додумываю самостоятельно варианты развития событий и неожиданно даже для себя предлагаю:

– Давай сходим пообщаться с ним вместе?

– А что это даст? – продолжает давить унынием она.

– Ань, ну ты девочка. Вопрос явно не тот, чтоб ты сама с ним разобралась – сама ж говоришь. Я всё-таки противоположного пола. Что ты теряешь?

– Сань, только ты не обижайся. Ты ж на год младше, ну что изменится?

Ну да. В этом возрасте год разницы – повод для сомнений.

– А тебе есть что терять? – размышляю вслух. – Всё равно ты сама считаешь, что уже «попала». Своих вариантов у тебя нет. То, что ты плаваешь за область – ни для кого не секрет. Ну, мало ли почему ты идёшь по улице вместе с товарищем по команде?

– Ну ладно, валяй, – уныло тянет она, – после бассейна идём в ПЛАЗУ.

В ПЛАЗЕ сразу подымаемся на фудкорт – есть после пяти километров лично мне хочется невероятно. Ей тоже.

Фудкорт – большой круглый балкон на втором этаже, по окружности которого расположены различные мини-рестораны: мексиканская кухня, японская, китайская и ещё куча всего. Сажаю её в центре балкона, сам иду по кругу с подносом и через минуту ставлю на стол два супа-мисо, большую пиццу «Четыре сезона», салаты, по две порции хосомаки с угрём и по одной – с лососем.

По мере насыщения её настроение меняет градус с резко минорного на относительно мажорное.

Планшет я посмотрел: дешёвое китайское изделие с низким индексом надёжности. Действительно ремонту не подлежит: замена платы в кустарных условиях будет стоить столько, сколько новый планшет в заводских.

Когда мы почти доедаем, появляется хозяин планшета:

– Добрый день. Аня, ты решила?

Она напрягается и резко краснеет. Я уже принял решение, потому пользуюсь паузой:

– Сколько стоит этот планшет? Отремонтировать старый точно не получится.

По парню без всякой эмпатии видно, что он рассчитывал на радикально иной сценарий, и пауза повисает второй раз. Кладу руку на спортивное женское бедро слева от себя и молча смотрю на него. Женское бедро не сопротивляется.

– Сто пятьдесят долларов, – закругляет паузу хозяин планшета.

Молча встаю, подымаю с пола свою сумку со всеми спортивными причиндалами, достаю из бокового кармашка бумажник, отсчитываю полагающееся количество:

– По курсу нашими. Пойдёт? Либо можем прогуляться до обменника.

– Пойдёт, без проблем, – удивлённо пялится на меня Коля, но потом всё же берёт себя в руки и, скомканно попрощавшись, удаляется.

Из ПЛАЗЫ идём пешком. Настроение Ануш – как маятник, уже в эйфории.

– А откуда у тебя столько денег? Тебе родители сказали что-то купить? Я тебе на ближайших соревнованиях с суточных отдам. Спасибо большое, что выручил, не ожидала. Честно.

– Ну, во-первых, я работаю, у меня есть свои деньги. Во-вторых, родители тоже присылают (умалчиваю, что к бабке с дедом давно за деньгами не езжу). Так что – не парься...

– А где работаешь? Как и куда устроился в этом возрасте?

Удерживаюсь от сентенции на тему того, что всегда нужно кормить себя самостоятельно. Мой организм реагирует на её эйфорию так, как положено моему возрасту, который пубертатный.

– По случаю. Нужен был аккуратный человек, живущий рядом. Желательно не семейный. Вот я и подошёл.

Гуляем по городу ещё час, потом заваливаемся в кино, где ведём себя сообразно возрасту на самом последнем ряду кинозала.

* * *

Сергеевича в зале сегодня нет: лето, и похоже, все живут расслабленно. Нас только двое в зале. Решаюсь на маленький эксперимент.

– Вова, хочу кое-что попробовать. Можно?

– Давай попробуем. Чего ждать?

– Не хочу говорить заранее. Если ты сейчас почувствуешь что-то необычное – пожалуйста, скажи. Давай в четверть силы, это важно.

Продолжаем отрабатывать оговоренное задание. Подгадав момент его «взрыва», я пытаюсь своим сигналом перекрыть команду его мозга телу. Он буквально на долю секунды сбивается в шаг, но мгновенно берёт себя в руки и продолжает, как ни в чём не бывало. Все мои дальнейшие попытки вмешаться больше не оказывают никакого влияния.

Спрашиваю в душевой:

– Почувствовал что-то?

– Ну ты, типа, свою волю на время подключил, – удивляет меня ответ, – да, почувствовал. А что?

– Да ничего. Хотел проверить, что можно таким образом сделать.

– С более-менее опытным человеком, на реальных соревнованиях – ничего. – Вова вытирается, как ни в чём не бывало. Видимо, удивление написано у меня на лице. Он продолжает:

– На соревнованиях всегда ор стоит, толпа беснуется. Когда первый раз выходишь на ринг – ощущение, как будто на тебя гири навесили. И страшно, и чужие крики очень отвлекают. Бывает, что очень хороший спортсмен от этого шума на первых соревнованиях ничего показать не может, как ватный в киселе движется. Но тут надо – не знаю, как сказать – отстраниться от всего, что ли. В общем, смотреть и слушать не наружу, а внутрь себя. Это бесполезно рассказывать, сам поймёшь. Главное – ни на какую толпу не отвлекаться. Если можно так сказать, в мозг себе ничего лишнего не пускать – ни шума, ни чужих мыслей.

Я от удивления только что зубами не лягаю.

– Даже упражнения есть, – не замечая ничего, продолжает он. – Либо можно в первый раз выйти на товарищеский матч какой-нибудь. Там такая же атмосфера, но результат ни на что не повлияет. Либо – на первые бои других в своей команде выходишь вместе с секундантом. И тоже оказываешься на ринге, только делать тебе ничего не надо – просто привыкай к шуму. Когда будет твой выход – уже привыкнешь, и толпа тебя не будет так сбивать.

– Спасибо за совет. Ты мне очень помог.

– Да фигня это всё. Об этом все, кто хотя б на одних соревнованиях был, всегда знают. Век живи – век учись. С удивлением думаю, что никогда нельзя считать себя круче всех. Шум и эмоции толпы – тоже энергия. Энергия – способность выполнять работу, в данном случае – перестройку несущих частот конкретного человека. Получается, все всё чувствуют (особенно на больших объёмах) и с этим работают. Просто не так глубоко, не специально и не углубляясь в теорию процесса. Хм.

* * *

– ... вообще не наш профиль. Просто не могу отказать её мужу. Ей двадцать шесть, ему сорок пять, долго не могли ничего сделать, тут наконец эта беременность. Он над ней трясётся, она трясётся сама по себе – первый ребёнок у обоих.

Стеклов сидит за столом с половатым мужиком его же лет, стремительнодвигающимся, жизнерадостным и пышущим позитивом.

Плотный мужчина возраста Сергея Владимировича протягивает мне руку (в НОВОЙ КЛИНИКЕ сразу показали, куда идти). Он выглядит в роли врача гораздо убедительнее, чем Стеклов, хотя я уже знаю, что Стеклов как врач лучше.

Внешность Стеклова служит предметом шуток всех, кто его знает: своей астеничностью, вкрадчивыми интонациями, растягиванием слов и темпом речи он похож на профессора Морисарти. По крайней мере, все, не сговариваясь, ржут, когда слышат это его прозвище.

На столе – бутерброды с колбасой, чайник чая и мёд.

– Знакомься – это Саша. Саша, это – Игорь Витальевич Котлинский, директор, совладелец и главврач этой клинки. Игорь, как нам посмотреть Касаеву, чтоб он тоже мог поучаствовать? – включается Стеклов.

– Как-как, она сейчас пойдёт по очередному разу на обследования. Пойдём да посмотрим. Саша, присоединяйся! – Котлинский указывает на бутерброды.

– Спасибо, ел, не хочу, – есть, и правда, не хочу.

– А как ей объясним его? – не успокаивается Стеклов.

– Она в курсе, она не против. Ему что-то надо? Нуууу, для...

– Я на месте объясню. Только белый халат, – отвечает за меня Стеклов. – Саша, заранее ничего говорить тебе не будем – пожалуйста, давай ты сам посмотришь и потом нам расскажешь, что увидел.

Молодая женщина на не знаю каком месяце беременности в кабинете УЗИ заметно нервничает, ожидая врача. Стеклов начинает распоряжаться, поскольку мы друг к другу уже притрёрлись:

– Игорь, сядь в углу за спиной у нас. Не разговаривай, не звони по телефону.

– На беззвучном. – Игорь молча садится за столик в углу у двери.

Стеклов отходит от меня на полтора метра к окну и глядит в окно.

Закрываю глаза и сосредотачиваюсь.

– Готов докладывать, – размыкаю глаза через две минуты.

Котлинский ведёт нас в соседний пустой кабинет с хорошей звукоизоляцией – все звуки коридора исчезают, как только он захлопывает дверь изнутри.

– Рассказывай.

– Она как будто в норме. Ребёнок вроде бы тоже в норме – никакой рассогласованности частот. Как будто. НО. Там есть жидкость, что ли, вокруг ребёнка... Вот она «фонит».

– Околоплодные воды, – подсказывает Стеклов.

– Чем фонит? – напрягается Котлинский.

– Там несложно откорректировать, – сразу подымаю ладони, – но там последовательный процесс. Кажется, в такой последовательности: в околоплодной жидкости – своя автономная генерация.

– Патогенная флора, – переводит Стеклов.

– Она незначительно, по моим меркам, сбивает частоты ребёнка. Я бы даже сказал, не сбивает, а пытается сбить; ребёнок успешно сопротивляется. Ребёнок стабилен на своей частоте, в моей проекции с ним ничего страшного. Был бы это обычный человек – я сказал бы, организм успешно борется с гриппом или чем-то аналогичным. Но когда этот ребёнок борется, он периодически даёт рефлекторные «всплески» на своей частоте, и вот эти всплески уже воспринимает его мать. На уровне скачков частоты в собственной нервной системе.

– Есть ли варианты, что автономная генерация усилится? – быстро ориентируется Котлинский.

– Да кто ж его знает. Я не врач. По моей логике, такие процессы могут быть и дискретными. Тут не угадаешь. Мы с Сергеем Владимировичем обычно не ждём развития событий, сразу санируем.

– А сможешь? – Котлинский аж подпрыгивает.

– С беременными не работал. По околоплодным водам опыта не имею. На первый взгляд, от предыдущего опыта не сильно отличается. Попробуем?

– Хуже не будет, – веско роняет Стеклов.

* * *

Её частота. Частота ребёнка. По фазе согласованы, по частоте близки, почти тождественны. Чужая генерация – как контрастные пятна на однородном фоне. Ещё раз примерившись, глушу их частоту в течение минуты. В итоге они ничем не отличаются от предыдущего опыта и ожидаемо гаснут.

– Я закончил. Санировано, – вытираю руки заранее припасённой влажной салфеткой.

7

– О, привет. Не ожидал, что позвонишь, – заканчиваю чистить последнюю машину, когда мне звонит Ануш.

– Ну, от тебя же звонка не дождёшься! А ещё парень!

– Ань, я не со зла. Я ещё на работе, есть что делать. Пока не освободился.

– А во сколько закончишь?

– Уже заканчиваю. Минут через пятнадцать. Потом нужно будет всё закрыть, поставить на сигнализацию, выключить всё из розеток. Это ещё минут пять.

– Зайдёшь потом за мной? Погуляем?

– Если честно – хотел идти спать. Но разве тебе можно в чём-то отказать...

Я как-то не сильно серьёзно воспринял всю историю с планшетом. Ничуть не жалею о своём участии, но никакого продолжения не планировал. Ануш же чувствует себя чуть ли не обязанной по гроб жизни – уж не знаю, что у них за отношения там в школе и для чего из-за дерьмового планшета так убиваться. Она теперь звонит каждый день, периодически вытаскивая меня погулять. Хорошо, что я работаю, то есть зарабатываю: оказывается, гулять с девушкой по городу – не самое экономичное занятие.

– Сколько раз в неделю ты работаешь? – она держит меня под руку, во второй руке держа мороженое, от которого откусываем по очереди.

– Работаю, когда есть заказы. Сейчас лето, время чисток, обычно шесть дней в неделю. А то и все семь. К зиме поток машин схлынет, плюс лицей же с осени. Сейчас надо накопить, чтоб зимой был запас.

– А меня родители о тебе спрашивали.

Чуть не давлюсь мороженым прямо на ходу.

– В каком контексте? – осторожно пытаюсь прощупать, что это сейчас было.

– Ну-у-у-у, когда мы с тобой сидели в ПЛАЗЕ и ждали этого мудака Колю, нас на фуд-корте видели мои родственники по армянской линии, родня бабушки. Подходить постеснялись, у них так не принято.

– Не понял. У кого «у них»? «Они» – это кто? Почему не подошли?

– «Они» – это мы, хе-хе. У меня бабушка – армянка. В честь её мамы – моей прабабушки – меня и называли (я пока не разобрался в местных этносах, потому очень внимательно слушаю). У бабушки есть сестра. У сестры есть внуки, мои троюродные братья и сестры. Одна из сестёр замужем. Вот родственники её мужа нас с тобой и видели.

– Продолжай, – подношу ко рту её руку своей рукой и откусываю ещё мороженого.

– Ну я и говорю, подходить постеснялись. Но видели, как к нам подходил Колька, частично слышали разговор, и видели, как ты отдал деньги. Бабушка обо всём узнала буквально через 5 минут – «спасибо» мобильной связи в 21 веке.

– Кажется, мне пора готовиться эмигрировать? – пытаюсь пошутить. – Я не готов к интересу твоей родни, – откровенно признаюсь.

– Не парься, хе-хе. Бабушка тут же позвонила родителям. Естественно, всё передала. В деталях. Но родители потом увидели, что я пришла вовремя, в нормальном настроении. Что со мной ничего не случилось. Сразу ни о чём спрашивать не стали, но сегодня спросили, с кем и как надолго иду гулять. Я сказала, что с тобой. Вот они всё сопоставили – и спросили о тебе.

– Не буду спрашивать, что ты им ответила... Что-то это как-то пугающе звучит для моего возраста, – демонстративно делаю круглые испуганные глаза.

– Говорю же – не парься. Мы ж ещё дети – и для них, и вообще.

– Ага, дети – с большими аппаратными возможностями... – бормочу еле слышно, но всё же недостаточно тихо.

– Ой, да не парься ты, я вообще для поддержания разговора это сказала. Моя мама – тоже бывшая спортсменка. Все с детства по разездам, рано начали жить самостоятельно, все всё понимают, никто никого ни к чему обязать не пытается. У меня очень современные родители. И они очень удивились, когда узнали, что парень из моей команды выручил меня, без оглядки на любые обстоятельства. Тем более, сумма достаточно значительная. Я же тебе не предлагаю с родителями знакомиться, – завершает она в итоге, – просто лягнула.

– Фух, – облегчённо выдыхаю вслух, после чего мы оба начинаем смеяться, а меня в левое плечо ударяет кулак.

– Кстати, родители уезжают завтра. Я до конца недели у бабушки.

– А тебя почему с собой не берут?

– Не они «не берут». Я сама не еду: не хочу делать перерыв в тренировках. Родители вообще прорабатывают варианты эмиграции в Европу, уже года два. Но мне надо тут доучиться в школе – там это намного дороже. Если всё получится с этим переездом, непонятно, чем мы там жить будем на первых порах. Может быть, вообще моё плавание нас кормить поначалу будет.

– Ничего себе ты ответственная, – автоматически кладу руку ей на талию, она тут же делает шаг ко мне. Чёрт, никак не привыкну к этому пубертатному телу. С его характерными возрастными реакциями. Порой настолько яркими, что очень влияют в физиологическом плане. Где-то даже мешая и раздражая.

* * *

НОВАЯ КЛИНИКА, кабинет главврача. За столом – двое мужчин. Девушка в белом халате ставит на стол чайник, пустые чаши и плотно закрывает за собой дверь.

– Серый, надо сказать спасибо твоему Шурику. Был сегодня наш прокурор, вот вручил, – более плотный хозяин кабинета извлекает из ящика стола незапечатанный конверт и запускает его по столу к более высокому астеничному мужчине, сидящему с другой стороны, – ваша с Шуриком доля.

Более высокий принимает конверт, заглядывает в него и удивляется:

– Что за прокурор? Это что?

– Твой Шурик убрал же вирусы у Касаевой?

– Это которая на тридцатой неделе, – вспоминает высокий.

– На тридцать первой – не суть. Её муж – начальник четвёртой службы в прокуратуре. Карьера, должность, всё путём, но женился поздно. Жена, считай, на двадцатку моложе. Любовь и страсть, как в сериале. Поженились за три дня. Первый ребёнок у обоих. А тут – угроза. Первая акушерня, где они на учёте стоят, ничего сделать не могла. Они тупо по всему городу ходили – вдруг кто поможет (в ресурсах-то семья не ограничена). Он её хотел за границу послать, но она без него лететь отказалась. Она вообще летать боится, а ему нельзя – сам понимаешь... Они и в каблиновском стационаре были, и в военном госпитале; к нам от безнадёги пришли. А мы всё пофиксили. Со скоростью звука. В конверте – ваша с Шуриком доля, я своё уже сам себе отстегнул: он в одном конверте дал сразу и мне – оплату процедур по чеку, и ваши «бонусы».

– Игорь, это мы с прокурора деньги берём?

– М-да, Серый. Тяжело таким, как ты, – ржёт плотный. – Вот потому мы с тобой по-разному и живём. При том, что ты, как врач, намного сильнее.

– Игорюня, не обижайся, но ты – вообще уже не врач. Ты – функционер, – не удерживается высокий.

– Так я и не спорю. Но именно у меня эти очень немаленькие люди нашли то, что другие большие врачи им дать не могли. По всему городу. Так?

– Ну да, в принципе... но это же элемент везения.

– Серый, везёт только тем, кто сам себя везёт. Тебя там, в твоей государственной лечильне, совсем зашугали. У Касаевой, кстати, и УЗИст какие-то улучшения после Шурика нашёл – я не вдавался. Они тогда у нас УЗИ делать не стали, для проверки пошли в кабминку. Угроза снята. Всё в норме. Сумма для этого мужика – не критичная. Благодарность – святое дело. Ну и попутно... – плотный выдерживает паузу.

– Что?

– Он от жены в курсе, что это – твой Саня чуть не наложением рук воскрешает. Сказал, чтоб мы не боялись, работали смело. Ещё передавал, чтобы Саня какие-нибудь курсы массажа окончил. Желательно – сертифицированные, на наших курсах повышения квалификации. Чтоб хоть какой-то диплом был гособразца. Это – его личный совет, для меня переходящий в прямую рекомендацию. Он, кстати, деньги с учётом этого давал. Так и сказал: «...чтоб хоть одних нормальных людей во всём городе из-за тупой системы не упирали». Нормальный мужик. Говорит, если кошка ловит мышей, то не важно, какого она цвета.

– Это не он говорит, а Дэн Сяопин говорил, – автоматически поправляет высокий. – Нам надо пообщаться всем вместе с Саней.

Плотный вздыхает, тянется к конверту, делит содержимое конверта на две равных половины. Одну половину в конверте убирает обратно в стол, вторую возвращает высокому:

– Горбатого могилкой не исправить, Серый. Хорошо, конечно, зови Саню, давай вместе всё обсудим. Если сам с ним говорить стесняешься.

* * *

– Да не лезь ты в ближний! – Сергеевич сегодня с нами. – Вова, с ним – это не твоё. Подойдите оба.

Мы подходим, благо перерыв. Сергеевич ставит нас плечо в плечо:

– Вытянули руки оба и сожмите кулаки.

Выполняем. Моя рука оказывается ровно на один кулак короче, чем у Вовы. Ничего себе. Как такое может быть? У нас же плечи абсолютно на одном уровне. Вова удивлён не меньше.

Сергеич доволен произведённым впечатлением:

– А вы что, когда вдвоём тут без меня месились день, даже не заметили?

– Я – нет, – коротко отвечает Вова.

– Мне вообще это и в голову не пришло, – искренне отвечаю за себя.

– Вот что значит – возраст. – Сергеевич радуется произведённому впечатлению. – А мне сразу видно. Понимаете теперь, зачем тренера нужны?

Синхронно ошарашенно киваем.

– Длина рук – первое, на что следует обращать внимание после роста. На этом и более серьёзные люди сыпались: если ниже ростом – значит, я его издали обстреляю. В ближний не пушу. А тому в ближний и не надо: у него рост, может, и ниже, но руки – не короче. Он и с дальней дистанции достанет. Так что, Вовчик, не лезь с ним в ближний. Он для своего роста и вашего веса крайне неудачно сложен. Так-то в жизни длина рук – мелочь, это как размер обуви. При одинаковом росте размеры ног ведь бывают разные.

А кстати, и правда – да.

– Но в боксе иметь руки короче на кулак – сами понимаете. Саша, у тебя – единственная тактика: ближний бой. Мотать всем нервы, драть всех не далее чем на средней дистанции, при первой возможности – в ближний. В принципе, ты в нём уже освоился. На дальней – даже не думай пытаться поиграться. С твоими руками ты всех насмешишь, но никого не достанешь.

А ведь я и правда не понимал, почему не попадаю. Думал, Вова на ногах лучше перемещается. А оно вон что.

– Ну вот вам и задание. Отрабатывать до потери пульса. Вова – дистанция: не пускаешь, перебиваешь его с дальней, на средней – убегаешь на дальнюю, никакого ближнего. Саня – только ближний. Вова тебя будет не пускать, задрачивать издалека, но ты гни свою линию. Ты здоровее, в смысле – выносливее. Не бойсь. Даже если первые два раунда он тебя обыграет, третий раунд – твой. А четвёртый – вообще молчу. С твоими руками и здоровьем – только схема Трефилова. Бог ведь просто так ничего не даёт: если что-то лишнее, значит, чего-то хватать не будет, – бормочет Сергеевич, слезая с ринга вниз.

Ну мы и работаем.

Подход. Неудачно. Встречает. Назад. Подход. Нырнул. Прорвался, ура! Бах, бах, бах, чёрт, он убежал.

Подход – неудачно.

Подход – неудачно.

Подход – неудачно.

.....

В душе Вовик продолжает удивляться:

– Однако, я и не знал. Вроде и не мальчик, и опыта хватает. А про эту штуку с длиной рук даже не знал до сегодняшнего дня.

– Ну, Сергеевич – не зря тренер. И постарше нас обоих. Вместе взятых.

– Да оно понятно, но всё равно – ты ж смотри... как оно бывает...

* * *

И снова мы втроем с докторами в том же кабинете.

– Саня, а ты там ничего лишнего не задел? – в пятый раз беспокоится Котлинский. – Ну, у ребёнка там? Или у неё?

– Игорь Витальевич, не беспокойтесь, – успокаиваю его в пятый раз. – Импульс был очень точно локализован, в жидкостях легко устанавливать границы воздействия. По времени – очень ограниченный, по амплитуде – одна тысячная от человеческого. Ну это как волосы взъерошить, – тут Котлинский и Стеклов начинают ржать, поскольку один лыс, а второй очень коротко стрижен. – А что говорят ваши данные?

– Да вроде всё в норме. Но до конца же не понятно, пока не родится. Саня, большое спасибо за помощь прошлый раз, муж той беременной женщины просил передать. – Котлинский придвигает ко мне какой-то конверт.

Стеклов сидит напротив и пьёт кофе.

В конверте обнаруживаю деньги. На первый взгляд – намного больше, чем дневной заработок мойки. Но пересчитывать тут неудобно – прячу в карман, дома разберусь.

– Спасибо. Неожиданно.

– Это просто ты не в те руки попал поначалу, – снова смеется Котлинский, глядя на нас обоих. – Сергей... гм, Владимирович всегда славился высоким профессионализмом как врач и неумением вести финансовые дела.

– Ну, профессия не та, чтоб на финансах акценты делать, – сдержанно отвечаю. – Мне казалось, медицинская безопасность человека не может зависеть от его финансовых возможностей.

– Это ты успел поработать? – широко открывает глаза Котлинский в сторону Стеклова.

– Нет, он сам уже таким пришёл, – злорадствует Стеклов. – Не всем же... – но, не договорив, замолкает.

– Ах, так? Ну, давайте расставим все точки над «Ё», мои гиппократы... – Котлинский вздыхает, встаёт и начинает ходить вдоль окна. Мы вертим за ним головами.

– Я мог вам обоим вообще ничего не отдавать – вы б и не узнали. Но я хочу рассчитывать на вас и дальше. Я хочу, чтоб в следующий раз, если люди с самого начала не захотят идти в бесплатную государственную клинику, у них было, куда прийти. Чтоб люди, которые изначально не верят государственной бесплатной медицине, не летели в Дортмунт, чтоб сходить к стоматологу. А могли прийти сюда. Я никого сюда не тащу насильно. Но создать условия тем, кто хочет сюда прийти, я обязан.

– Игорь, да ты неправильно нас понял, – пытается возразить Стеклов, но тот не даёт себя перебить.

– Да, я плохой врач. Но я – нормальный мужик. Я не говорю, что деньги должны решать всё. Если ко мне придёт кто-то и попросит о помощи – я не откажу. И о деньгах не заикнусь. Но муж этой женщины совсем отчаялся. Мы помогли. Саня помог, если точно. Когда помогали – вообще о деньгах речь не шла, это уже постфактум. Он, кстати, как сотрудник прокуратуры, сказал, чтоб ты, Саня, с этих денег себе учебный профессиональный курс лечебного массажа оплатил. С сертификатом. Сергей тебе скажет, куда пойти. Серый, я помню, как вы меня в институте звали.

– Барыга? – с закрытыми глазами чему-то улыбается Стеклов.

– Ну. Так я и есть барыга. Но это не отменяет у меня каких-то принципов и правил. «Даже у червяка длиной в дюйм есть душа длиной полдюйма». Я сам его о деньгах не просил. А он прекрасно понял, что наша помощь ему – очень удачное стечение обстоятельств. Деньги он принёс сам. Больше, чем по чеку. Я хочу рассчитывать на вас и дальше. Значит, считаю вас компаньонами – де-факто, не де-юре. Это – ваша доля, как компаньонов, что не так? Серж, чего ты морщишь попу? Это даже не вопрос моей порядочности. Это – вопрос выживания бизнеса. У компаньонов крысить нельзя. Но вы этого, возможно, просто не понимаете...

Я как раз понимаю, но благоразумно молчу и в этот раз.

– Игорюня, ну ты ж знаешь. Как я ко всему этому... Хотя всё, конечно, по чесноку. Споры нет... Ну не научился я брать деньги!

– Сам не научился – не мешай молодёжи. – смеется Котлинский.

– Да я и не стесняюсь, – считаю своим долгом врезаться. – Если я востребован тут, реально могу помочь – лично для меня это никак не хуже, чем машины мыть. Тем более, специально ни с кого ничего не просил и не буду. Могу помочь – помогаю. Есть благодарность – ладно. Нет – ущемлённым тоже себя чувствовать не буду.

– Саня, да у нас тут старая история, – начинает меня просвещать Котлинский. – Серж у нас консультант на полставки. Еле уговорил. Я его вообще хочу к себе навсегда с открытия, но он категорически против того, чтобы бросать свою государственную дислокацию. Ко всем нештатным случаям Серж относится, как настоящий государственный врач: всего боится и ни за что не хочет отвечать, гы-гы. Ну и – мы ещё с института с ним периодически спорим: этично брать деньги у пациента или нет. Вот на нашем примере можешь наблюдать многолетний спор двух философий.

– Да ладно, я уже давно беру, – стушёвывается Стеклов. – Просто как-то оно...

Конец фразы тонет в общем хохоте. Далее не задавшийся поначалу диалог постепенно перерастает в пьянку. Я в ней, по причине возраста, не участвую, пью чай.

Из больницы выходим затемно. Доктора собираются куда-то ехать продолжать и вызывают Яндекс-такси, а я иду домой.

Дома пересчитываю деньги из конверта. Потом ещё раз. И ещё раз. Похоже, откладывая деньги с мойки, чтоб накопить что-то к зиме, мне уже не нужно.

8

Наутро не удерживаюсь от детского порыва и пересчитываю деньги ещё раз. В конверте НОВОЙ КЛИНИКИ – несколько моих рабочих дней на мойке. А усилий и времени у меня ушло намного меньше.

Всё утро хожу по квартире с чаем в руке и думаю. В итоге возникает желание кое-что обсудить.

– Сергей Владимирович, доброе утро. Я вас не разбудил?

– Что-то срочное? – сонный голос Стеклова напоминает, что это я вчера поехал спать.

Они, судя по всему, вовсе даже нет.

– Извините, пожалуйста, я не подумал, что вы ещё спите.

– Да уже не сплю... Всё, проснулся. Говори.

– Есть вопросы по функционалу и бизнес-схеме НОВОЙ КЛИНИКИ. Я б очень хотел их задать Игорю Витальевичу, но не хочу, чтобы вы думали, что я с кем-то из вашего окружения общаюсь за вашей спиной.

– Срочные вопросы?

– Нет.

– Тогда я сплю... Игорь вообще рано встаёт. Подожди три минуты. Сейчас с ним созвонюсь, и он по пути за тобой заедет. Бизнес-схемы – это точно не ко мне, к нему... Я позже подтянусь, если что...

Через пятнадцать минут за мной заезжает Витальевич. Его огромный «Эскалэйд» пышет благополучием вместе с владельцем. Наверное, и ресурсов жрёт – не дай бог, того же бензина.

– Привет, молодой! Жизнь бьёт копытом? – на свежем, как огурец, Игоре совсем не заметны какие-либо следы ночных возлияний. – Тебе-то чего с утра не спится? Это я на работу, а ты чего подхватился?

– Я же вчера сразу домой поехал. Приехал – сразу спать лёг. Отлично выспался.

Витальевич недоверчиво смотрит на меня:

– И что, не возникло ни малейшего желания забуриться в ночные клубы и потратить часть денег с подружкой или подругами?

– А зачем? – настаёт моя очередь удивляться. – Я анатомический атлас учить пытаюсь, в теории колебаний хочу разобраться (в местной её интерпретации, по крайней мере), плаваю за область, в боксе выставился на ближайший чемпионат области – зачем мне ночной клуб? Какие знания либо умения я там приобрету?

– Я всё понял, – ржёт Котлинский. – Мои вопросы некстати. Если серьёзно – завидую твоим родителям. Ты на редкость правильный и рациональный. У меня сын твоих лет – он с таким баблом точно домой спать не поехал бы... Правда, он и не работает, как ты, увы. И свои деньги у него будут не скоро. – Витальевич слегка грустнеет. Судя по всему, сына пытается не баловать.

– А вы ему не выделяете денег?

– Категорически нет. Пацан должен быть голодным и искать работу. Я в его годы и на базаре с товаром стоял, и контрабандой панты марала через китайскую границу без паспорта нелегалом тягал. А он – на всём готовом, даже не пытается шевелиться... Я сына люблю. Но надо же и в будущее смотреть: рано или поздно все дети остаются одни. Если родители не научили детей жить самостоятельно – таких детей ничего хорошего в жизни не ждёт. Я окажу сыну очень плохую услугу, если все его проблемы буду решать лично и если все его желания будут исполняться, словно доброй феей. Он же не научится ни работать, ни бороться. Что в итоге с ним, таким, будет?

Упс. В таком разрезе я и не думал.

– О чём ты хотел спросить?

– Игорь Витальевич, какие корпоративные цели есть у НОВОЙ КЛИНИКИ? Заранее извиняюсь, если вопросы покажутся дурацкими.

– Так. Ну, первая – получение единицы прибыли за единицу времени. Это по умолчанию. Вторая —... хм. Слушай, а больше и нет целей. Вот в таком разрезе, как ты спросил – больше целей и нет. Всё остальное – наверное, инструменты для достижения этой цели. Персонал, оборудование, оснащение, расходники... Да, остальное – инструменты.

– Игорь Витальевич, это не моё дело, но не слишком ли однобоко?

– Я как-то не задумывался о философии, – бурчит он в ответ. – По этой части у нас Серёга – плевать на материальное. Изначально – была возможность сделать проект. Современное лечебное учреждение, в котором будет всё, чего государство в нашем районе дать не может. Включая отсутствие очередей. Была возможность плюс один пациент Серёги изъявил желание помочь материально. Серёгу это не интересно, он познакомил нас. Мы скинулись, и я всё организовал. Поскольку и налажено всё хорошо, и за всеми процессами я слежу лично, и каждый серьёзный клинический случай лично сопровождаю – уровень у нас приличный. Всё, что можно сделать, мы делаем. Если мы не смогли – мало кто ещё может. Вплоть до того, что подключаем лучших специалистов в своих областях, вот как Сергея.

– А вылечить пациентов – это цель, инструмент или такого пункта в задачах вообще нет?

– Хм. В рамках такой логики – пожалуй, что инструмент. Но это ж не так. Только я вот не знаю, как это в ответе на твой вопрос сформулировать. В философию надо ударяться, а это не ко мне.

– А если для начала как минимум продекларировать? Вот взять – и сказать волевым решением за закрытыми дверями, пусть только среди нас троих: у нас две цели. Одна – это доход. Она главная. Но кроме неё, есть и вторая цель: оказание профильной помощи людям, которые в ней нуждаются.

– Что изменит такая декларация за закрытыми дверями?

– Пока не знаю. Может быть, многое. Как мы говорим, так мы и думаем; как мы думаем – так мы действуем.

– Какая выгода для меня как учредителя и для самой клиники?

– Игорь Витальевич, ну не поверю, что абсолютно все ваши действия в этом мире продиктованы исключительно требованиями личной выгоды.

– Да конечно, нет... Но я сейчас не понимаю, что ты хочешь сделать. И чего ты хочешь от меня.

– Пока не дошли до этого... Такой вопрос. Что в самую первую очередь нужно для хорошего дохода клиники?

– Количество пациентов за единицу времени, – не задумывается Котлинский.

– Допустим, вы обычный человек. Успешный бизнесмен, не ограничены в финансах, но далеки от медицины. Если, тьфу три раза, в вашей семье случается какой-то аврал по медицинской части, как вы будете выбирать клинику?

– Ну, тут несколько критериев. В том числе, какая клиника первой в поисковике Google вывалится, – демонстрирует неожиданную продвинутость Котлинский. – Но вообще, конечно, в приоритете будет репутация.

– А какой должна быть репутация, чтоб клинику выбрали восемь человек из десяти?

Вот за что мне нравится Котлинский – он всегда мгновенно врубается, схватывает с полпинка и дисциплинированно думает в заданном направлении.

– Вот тут репутация может быть двух типов. Первый тип – аналитическая информация. Такой-то профиль клиники, столько-то профессоров в штате, столько-то клинических случаев за столько лет, количество побед и поражений. Второй вариант – эмоциональный: личные впе-

чатления реальных пациентов: молодцы, сделали, что можно было, и даже сверх того. Типа, мне они понравились.

– А какая информация из двух больше влияет в момент решения?

– Тут я тебе как врач скажу: эмоциональная. Вторая. Хотя это и абсолютно не конструктивно. Но когда человеку страшно, аналитика у него отключается – это физиология. Сопоставлять и анализировать, сравнивать измеряемые характеристики он не способен. Самое первое стремление – убрать угрозу. В перепуганном состоянии большинство воспринимает только эмоциональные послы.

– Соответственно, если вы хотите как можно больше посетителей, с какой составляющей нужно работать в первую очередь?

– С эмоциями, – удивлённо выдаёт Котлинский. – Ты смотри, и правда. Раньше не задумывался...

– И получается, что восемьдесят процентов всех коммуникаций клиники, с точки зрения прибыльности, на чём надо фокусировать?

– На эмоциях. Если шире – на личных впечатлениях, которые остаются о нас у наших посетителей вне зависимости от того, по какому поводу они к нам пришли.

Мы за разговором незаметно доехали, вышли из машины и переместились в кабинет Котлинского.

– Что будет запоминаться людям сильнее всего в положительных эмоциях?

– Бесплатная услуга либо дополнительная помощь, на которую они не рассчитывали, – снова не задумывается Витальевич.

– Какие медицинские услуги людям нужны постоянно, вне зависимости от уровня дохода, при этом – с низкой себестоимостью для клиники?

– Анализы крови определённые, УЗИ – если пациенты гель компенсируют и салфетки с собой возьмут, ещё кое-какие анализы.

– Если НОВАЯ КЛИНИКА часть этих услуг объявит бесплатной – для тех, кто в этом нуждается – это поможет создать нужный объём положительный эмоций?

– Ещё бы. – Котлинский задумывается. – Можно на пробу объявить месячную акцию, месяц без проблем потяну по финансам. Отобрать список услуг типа УЗИ – где материальная себестоимость почти ноль. А квалификация и оборудование – очень влияют. По тому же УЗИ вообще можно про акцию так и сказать: сделаем бесплатно – если такой-то гель принесёте с собой (остаток заберёте). И одноразовую простыню с салфетками. Поставить на это персонал круглосуточно – почему нет? И посмотреть, какой будет конверсия. Ну, прирост платных клиентов в ответ на запуск этих бесплатных позиций, – поясняет Котлинский, глядя на мои широко открывшиеся глаза.

– Да я знаю, что такое конверсия, удивлён, что вы настолько... продвинутый.

– Эхх, Саня. У меня с института прозвище – барыга. Я, может, врач хреновый. Серый вон говорит – даже без «может». Но по маркетингу и бизнес-управлению я могу лекции читать. Причём не теорию, а чистую практику: какой проект, в какие сроки, сколько денег, как я им руководил. Но объясни, тебе-то какой интерес?

– А какой мне был интерес приходиться к Касаевой? – пожимаю плечами. – Я вообще не рассчитывал ни на оплату, ни на благодарность.

– Ладно, подбьём итог... Клиника – получает шанс позиционировать себя как лидер в плане социальной ответственности. Я согласен, это очень дорого стоит в наше время. Даже если экономического эффекта сразу нет, он всё равно есть. Не буду объяснять. Дополнительно клиника получает шанс конверсии общественного мнения в таких вот клиентов, как Касаева... где один выстрел окупает год геля на УЗИ... Люди получают бесплатный доступ к определённым процедурам, для них, возможно, достаточно важным. В любом случае, волна пойдёт. Положительная для всех. Ты – не получаешь ничего. Я ничего не упустил? – ржёт Котлинский.

– Я бы не был столь категоричен, просто не готов сейчас это обсуждать. Давайте запустимся, а потом посмотрим на результаты. Игорь Витальевич, для начала, если у вас что-то выходит, я получаю причастность к лидеру отрасли и репутацию – ваши и Сергея Владимировича рекомендации и добрые напутствия. А вдруг я в мед. институт соберусь после лица?

– Точно! – хлопает себя по лбу Котлинский. – Я и не подумал. Ну да, логично. В твоём возрасте заделы на будущее важнее бабок.

* * *

Через некоторое время в зале бокса застаю Вовика, кидающего голые кулаки в стену без защиты. Правда, вполсилы.

– Объясни?

– Да чё тут объяснять, – он не прерывается, – 500 раз в день. Вполсилы. Не знаю, что, но что-то в кулаке укрепляется. В результате, даже когда на ринге в перчатке бью, получается гораздо чувствительнее. Даже по корпусу, не говоря уж про голову. Не в курсе деталей, но представь: ударить тебя просто плотным мешком или железной трубой, обёрнутой плотным мешком.

– А что Сергеевич говорит?

– Сергеевич по закалке тела не специалист. Говорит, если что-то даёт – без проблем. Но я по опыту знаю, что лично мне – даёт. В армии научили. Там просто без вариантов было, а потом я увидел, что и на ринге смысл есть. Вот не бросаю.

Немного подумав, пристраиваюсь рядом. Поначалу немного непривычно, но с неприятными ощущениями справляюсь подачей резонанса на кисти рук.

Вовик снова оказывается прав: после стенки даже в перчатке ощущение удара совсем иное. В более сильную сторону. Моё мнение подтверждает он сам, морщась после пары попаданий в защиту и корпус:

– Не надо было тебе говорить: как той трубой теперь стало. Кстати, если несколько дней так не будешь делать – ощущение жёсткости уйдёт. В общем, это состояние кулака надо поддерживать всё время.

Мы который день, до кругов перед глазами, нарабатываем задание Сергеевича: я учусь изматывать его; он пытается «не сдыхать», как я. В отличие от него, у меня более значительный и управляемый ресурс гемоглобина. Но именно у него выигрывать таким образом не планирую. Впрочем, до тех соревнований ещё достаточно далеко.

* * *

Сегодняшний день проходит в темпе бега рысью. Плавание – снова на износ в анаэробных режимах. Ани сегодня нет – критические дни.

Когда вечером прихожу на мойку, сил на два салона почти не остаётся. «Добиваю» их на морально-волевых качествах, прихожу домой и ложусь спать, не раздеваясь.

На задворках сознания мелькает мысль: что-то надо делать с режимом дня. Когда с сентября начнётся учёба, я физически не выдержу. Несмотря на любые усиления изнутри.

Не успеваю коснуться головой подушки, как сознание уступает место сну.

9

Дежавю.

Тот же перекрёсток. Так же возвращаюсь с утренней пробежки (Сергеевич велел качать офэпэ, потому бегаю по утрам теперь ещё больше, чем раньше).

На этот раз всё происходит почти что на моих глазах. Женщина с коляской переходит дорогу. Ту сторону вижу только боковым зрением, потому безо всех подробностей, но её как-то явно задевает пытающийся повернуть налево на мигающий жёлтый какой-то мудак. Сам момент касания чётко не вижу; заканчиваю поворот своей головы только тогда, когда она со всего маху прикладывается головой об асфальт. Мудак-водитель вначале едет дальше, как ни в чём не бывало, потом всё же нажимает на тормоз и ошалело наполовину высовывается из открытого окна. Коляску не зацепили, слава богу.

Успеваю подумать, что этот перекрёсток – какой-то неправильный. Возможно, тут или с видимостью на повороте что-то не то, или режим «красный – зелёный» не отрегулирован. Но не может же один и тот же сценарий повторяться регулярно просто так...

Пока эти мысли мелькают у меня в голове, ноги уже сами несутся вперёд. Подхватываю заоравшего ребёнка из коляски и кладу на тёплый летний асфальт рядом с собой. Скан. Ребёнок в порядке. Ну, я и не сомневался, но надо же проверить. Подаю ему нормальную частоту, пытаюсь успокоить. Никакого эффекта, максимум на одну пятаю изменил. Ладно, успокаивать ребёнка будем потом, главное – жив и здоров. Просто напугана.

Женщина без сознания. Переломов нет. Смещений не вижу. Внутренние органы в порядке. Похоже на сотрясение или ушиб мозга. В моей проекции – как обычный нокаут в боксе. Но мне не нравится сигнал от головного мозга к спинному – обычно он мощнее и насыщеннее. Тьфу три раза...

Руки уже набрали номер Стеклова. Он сегодня в своей больнице, потому сразу отзывается:

– У меня обход, важно?

Сжато докладываю ситуацию и прошу вызвать скорую, так как не знаю, какая подстанция ближайшая. А звонить на общегородской номер – потеря нескольких минут, врачи мне это объясняли.

– Понял, скорую сейчас сделаю, – мгновенно ориентируется Стеклов, – никуда не уходи. Ребёнка берёшь в охалку, коляску – тоже. Садись в скорую и едешь к нам, они прямо сюда вас всех привезут. Помогите врачу с санитаром погрузить вас всех в машину, особенно женщину – в бригаде могут только женщины приехать, не считая водителя. Полицию вызову сам. Всё, не отвлекайся! Если видишь, что можешь чем-то помочь – держись и помогай. Самое главное, как у неё дыхание и сердце?

– В проекции отклонений не вижу. Кажется. Не знаю, какая у неё норма... Пульс около восьмидесяти вот в эту минуту.

– Кровотечений нет?

– Только если что-то внутричерепное. Прочие места – чисто. И снаружи, и в проекции. Ну, только гематомы от удара. По черепу – сейчас не могу разобраться, у неё весь мозг фонит после удара об асфальт, частоты сбиты. Мне нужно «пристреляться» минут пять, чтоб понять, какая у неё собственная частота.

– Всё. Отбой. Жди.

Скорая прилетает буквально через две минуты, разворачиваясь через двойную разделительную линию, игнорируя правила движения и визжа тормозами, как гоночная машина. Похоже, Стеклов в авторитете...

Как и предсказывалось, бригада скорой – сплошь женская. Мы с водителем быстро грузим по списку пострадавшую, орущего ребёнка, коляску, улетевшую на пять метров сумочку, и скорая, вновь взвизгнув тормозами, стартует, как болид.

В неотложке возле приёмного покоя нас встречает сам Стеклов с какой-то группой поддержки (пара девушек в белых халатах, которыми в другой ситуации я бы заинтересовался).

– Саня, бери ребёнка в руки, Лена тебя отведёт, куда надо. Сиди с ребёнком и следи за ним. Лена подскажет, что делать.

Лена, одна из двух моделей, по ошибке надевших белые халаты в неотложке, провожает меня в какую-то комнату с мягким диваном и телевизором. Сюда же через минуту приносят коляску, сумочку и пакет с детскими причиндалами, бывший в коляске. Нахожу в пакете бутылку с чем-то белым и сую в рот ребёнку. Кстати, девочка. Присасывается к бутылке, не открывая глаз. При этом пытается одновременно орать.

Поскольку теперь время есть, внимательно обследую её. Ей хоть бы хны, только испугалась. Пользуясь возможностью, шлю несколько импульсов один за другим, чтоб успокоить. Не сразу, но получается.

Через полчаса появляется Стеклов и сразу хватается за сумочку.

– Чёрт. Ну что за дура. Ни телефона, ни документов, – бормочет Стеклов, вытряхивая содержимое сумки на диван. – Саня, вроде с ней всё в порядке, ну, сообразно ситуации. Но она почему-то до сих пор без сознания. Ты успел рассмотреть, что с мозгом в твоей проекции?

– Да как будто сильный нокаут. Очень сильный. Разрывов сосудов внутри черепа не увидел. Смотрел два раза.

– Ладно. Подождём... Слушай, такое дело. Этого ребёнка просто физически некуда деть. Можешь подставить плечо и взять к себе буквально на несколько часов? Потом я всё органирую, и у тебя его заберут.

– Да могу, конечно.

– Лена тебя отвезёт и поможет немного.

Через десять минут, собрав вещи, переодев с помощью модели-Лены памперс на ребёнке, покидаю больницу. Девочка проснулась, попыталась плакать, но Лена её как-то быстро успокоила, взяв на руки. Я толкаю коляску.

Лена, оказывается, на своей машине. Грузимся, я с ребёнком на заднем сидении. Хрен его знает, как надо везти ребёнка: специального детского фиксатора либо какого-то кресла нет, потому просто очень крепко держу в руках.

У меня дома Лена быстро обследует обе комнаты, берёт деньги и выходит в магазин. Через полчаса возвращается с большим пакетом памперсов, двумя коробками сухой молочной смеси и десятью банками с овощным и фруктовым пюре. Отдельно ставит большую бутылку воды и стеклянную банку яблочного сока.

У неё, кажется, какой-то эмпатический талант: при ней и ребёнок не нервничает, и у меня настроение в норме.

– Смотри, герой. Кормишь – вот так. – Лена ловко держит извивающегося ребёнка на одном колене и технично отправляет в рот ложку пюре (всю сложность манипуляции я оцениваю позже, когда остаюсь один). – Когда покормишь, обязательно поддержи вверх головой, чтоб воздух вкнула. Если срыгнёт едой, будешь заново кормить. Корми аккуратно и понемногу – чтоб не подавилась!

На всякий случай записываю это всё на видео в телефоне.

– В одежду, пока лето, лучше не одевай: угваздается – просто сполоснёшь водой. А бодики стирать надо будет. Поишь каждый час либо как начинает плакать – вот так, – и вторая бутылочка, на этот раз с соком, разведённым водой, также испаряется. – Памперс меняй раз в два часа. При смене памперса подмываешь. Пошли, покажу как.

– Да ладно, разберусь...

– Ну смотри, тебе жить... Про памперс много не рассказываю – это бесполезно, пока сам несколько штук не сменишь. Только застёгивай плотно, а то перекосятся набок. На сутки – двое тебе хватит этого пакета, там разберёмся.

– Эээ, какие сутки – двое?! – пытаюсь возмутиться. – У меня куча своих дел!

– Молчи, мелкий. И слушай. По правилам, мы должны обследовать ребёнка и, если всё ОК, передать в педиатрию.

– Так с ней же всё в порядке! Её вообще не задело, как ехала в коляске – можно сказать, особо даже не проснулась!

– Да. Потому мы своё заключение уже написали. Но у Сергея – тёрки с детским отделением, для тебя – без подробностей. В детское быстро сдать не получится. У нас, объективно, ухода обеспечено не будет. Прими как данность. Если же ребёнка сдать через полицию в органы опеки – это она непонятно сколько времени даже не поест нормально. Не говоря уж о том же уходе. А в этом возрасте для ребёнка весь этот инцидент опаснее, чем для матери: мать мы рано или поздно приведём в себя. А что с ребёнком может сделаться за несколько суток в наших государственных органах, я тебе даже говорить не буду. В общем, взялся помогать – помогай до конца.

– Ладно, ясно, – сдаюсь под напором обстоятельств и её феромонов. – А какие перспективы на эти сутки? Или двое суток?

– Ну, нам надо мать привести в сознание – узнать координаты родни и сдать ребёнка родне. Может, и через час уже получится. Терпи. Будет везде лезть – смотри, чтоб до розеток не достала... – и модель в белом халате захлопывает за собой дверь с той стороны.

А я остаюсь наедине с малышкой, которая, поев, громко портит воздух и радостно начинает тянуться к моему анатомическому атласу.

После ремонта в кухонном столе остались заглушки для розеток. От греха подальше, прохожу по дому и затыкаю все розетки.

Подумав, пересаживаю её на пол: сейчас лето, не холодно, но на полу она ничего на себя не своротит и никуда ниже не упадёт – пока только ползает, ещё не ходит.

По плану сейчас завтрак, но непонятно, как быть с ней. Интересно, как её зовут? Вот же не было печали...

Она уже полчаса тащит к себе всё, до чего дотянется. Слава богу, на полу мало что есть. Сейчас вот устроилась теребить кабелегон. Ну-ну, он прочно приколочен.

Мне сейчас нужно принять душ и идти на кухню готовить. Но как только я скрываюсь на кухне, из комнаты доносится требовательный детский крик.

Создатель, дай мне сил и терпения...

Кажется, она не хочет оставаться одна. Беру её с собой, попутно успокаивая ещё одним импульсом. Моя частота почему-то на ней «не держится» – примерно как на Вовике в зале бокса. Какая-то природная сопротивляемость, что ли. Или эмоции снаружи управляются хуже физиологии? Пытаюсь всучить бутылку с водой, но не тут-то было. Не хочет.

Подумав, снимаю с антресолей пластиковое корытце, в котором родители купали меня, набираю в него тёплой воды на ладонь, ставлю на пол в коридоре и кладу туда ребёнка. Туда же бросаю несколько теннисных мячиков. Визг и вопль, но позитивный и радостный.

На время стихшего детского крика молниеносно ныряю в ванну, ставлю рекорд по скорости мытья и выскакиваю в одном полотенце обратно в тот момент, когда она тянется к моему телефону, лежащему на диване. Только не это!

Лужа на весь коридор. Само корытце перевёрнуто.

Отбираю телефон.

Игрушек у меня тоже никаких нет, я давно вышел из этого возраста. Чёрт, что делать?

Даю в руки пульт от телевизора. Какое-то время она интересуется кнопками, нажимает всё подряд по очереди, а я пытаюсь что-то себе приготовить. Не получается – долго находиться

на кухне мне никто не даёт. Ограничиваюсь бутербродами и пучком петрушки, который съедаю прямо целиком.

Какое-то время тишину в доме обеспечивает передача про животных. Ухх. Пять минут можно передохнуть.

Кажется, позаниматься не получится.

И как идти на тренировки?

Никогда не думал, что от маленького ребёнка может быть столько больших проблем в течение часа. Одну ведь её тоже не оставишь – не кошка.

Слава Богу, это она ещё не капризничает и не плачет. Просто всюду лезет, всё пытается дёрнуть на себя и этим ужасно держит в напряжении.

Неужели я был таким же?

Периодически вижу её попытки начать хныкать, но каждый раз успокаиваю. Пока получается. В итоге маленький монстр просто перестаёт слезать с моих рук.

Интересно, а как растят детей простые люди? Тут же за час можно с ума сойти, не то что за неделю или месяц...

Сесть почитать тоже не вышло: анатомический атлас у меня пытаются вырвать. Маленькими руками, по которым даже ударить нельзя.

...мать...

Через какое-то время приходится нести её в душ: плановая смена памперса с соответствующими водными процедурами. Памперс стягиваю прямо в душевой кабине – от греха подальше. Абсолютно правильно, как показала практика через секунду. Заодно моемся ещё раз.

Грязный памперс вызывает в моей душе такую бурю эмоций, что просто нет слов. Себя становится жалко чуть не до слёз. Двумя пальцами выбрасываю его в мусорное ведро. Через тридцать секунд по квартире распространяется непередаваемый аромат. С ней на одной руке, с мусорным ведром в другой, демонстрирую чудеса эквилибристики, выбрасывая содержимое ведра в мусоропровод одной рукой и одной ногой.

В протрации сажусь на пол рядом. Что-то я не готов к такой жизни в течение двух суток. Надо срочно что-то придумывать. Бабке с дедом, что ли, сдать? Они-то точно знают, что делать в этой ситуации. И опыта у них явно побольше.

Но сначала надо согласовать это со Стекловым. Мало ли, кто из родни и когда кинется искать этого ребёнка. А он за городом.

– Сергей Владимирович, здравствуйте, Вам удобно?

– Да, могу, – на редкость быстро отзывается Стеклов в то время, когда у него мобила обычно на беззвучном.

– Я звоню сдаваться. Я не справляюсь с этим ребёнком. Не хочу паниковать, но долго я не выдержу. У меня есть вариант...

– погоди, – перебивает он меня. – Мать в сознание привели. Сутки-двое она побудет у нас. Что ребёнок у тебя – ей сказали, она не против. Она, кстати, тоже категорически не хочет отдавать ребёнка в нашу педиатрию (интересно, что там не так с этим отделением?). Просит, если возможно, чтобы ребёнок побыл с тобой какое-то время. Ещё она дала телефон мужа, мы уже ему позвонили. Муж в командировке. Вылетит ближайшим рейсом, но это в любом случае около суток. Предлагаю такой вариант: я к тебе на эти сутки отпускаю Лену (есть возможность), но ты должен обеспечить ей максимальный комфорт – она помогает исключительно по своей воле. Эти сутки она не должна ни в чём нуждаться, чтобы мне потом не пришлось извиняться. Она – моя подчинённая, и я её прошу, как понимаешь, в обход официала... Это – её личное одолжение.

– Комфорт – не вопрос! – лихорадочно тороплюсь согласиться, пока ничего не поменялось. – У меня две квартиры на одном этаже! Пусть занимает любую, хоть обе! Я вообще могу у бабки с дедом пожить!

(Лучше я буду ездить в город из деревни, чем эта пытка младенцем ещё сутки или двое).

– Не вздумай, – отрезает Стеклов. – А если что-то купить понадобится, как ей с ребёнком в магазин бежать? А готовить кто будет? Она, с ребёнком на руке? Посуду если помыть или ребёнка подмыть – кто поможет? Даже и не думай сбежать.

– Да знаю, но должен же я был хотя бы попробовать... – уныло бормочу в трубку. – Сергей Владимирович, я могу ей какие-то деньги предложить за помощь? Это удобно? Я сейчас при финансах.

– Не вздумай. Это исключено по целому ряду причин, о которых не по телефону.

– Ну, я думал, что у вас зарплаты маленькие, денег должно не хватать...

– Ты не в курсе всех её личных обстоятельств. И почему она тут работает. Она из более чем серьёзной семьи, для неё финансы – не приоритет. Лучше делай, как я говорю: ей должно быть комфортно. Больше ты ничем ей помочь не можешь.

– Понял. Делаю.

Когда меньше чем через час раздаётся звонок в дверь и появляется Елена, я уже готов молиться всем богам и радуюсь ей больше, чем бомж – миллиону долларов.

– Ура! – обессиленно выдыхаю, вручая ей ребёнка прямо в прихожей. – Как мы рады вас видеть!

– Эй, стоп, дай руки помою!

Наконец, у меня забирают этого маленького монстра, и я могу хоть на кухню нормально сходить. С запозданием приходит мысль, что Лену тоже надо покормить. Хоть в комнату с ребёнком даже заходить не хочется, делаю над собой усилие и спрашиваю от двери:

– Лен, ты голодная?

– Да, конечно.

– У тебя есть ограничения по кухне? Или ты всё ешь?

– Ем всё.

– Я выскочу в магазин на пятнадцать минут?

– Давай. Детского питания «АМИРАН» захвати. Любого. Банок пять.

Никогда шум улицы не был ещё таким желанным, ура!

В магазине меня догоняет мысль, что надо не ударить в грязь лицом. В дополнение к своему обычному рациону, набираю сыров, рыбы, колбас.

От дверей возвращаюсь за детским питанием. Хорошо, что вспомнил.

На кухне развиваю бурную деятельность. Поскольку дело уже к обеду, быстро режу крошку. На кефире, хе-хе. Раскатываю привычное тесто для пиццы, сразу на несколько штук – с рыбой, колбасой, просто «Маргариту».

Пока пицца в духовке, режу салаты.

Через полчаса кричу из кухни:

– Ле-е-еена-а-а!

В дверях возникает шипящая Лена:

– Чего ты орёшь?! Только уснула! Погоди, дверь в комнату закрою.

– Упс! Не надо, иди на кухню, я сам, – на цыпочках иду к двери и со всем возможным старанием закрываю без шума.

* * *

– А ты хорошо готовишь, – получаю приятный комплимент через пятнадцать минут, когда от обеда остаются только сыр и колбаса, которые уже просто не лезут.

– Так давно один живу. Ну и – я старался. Ты даже не представляешь, насколько я тебе благодарен за то, что ты приехала!

– А-а-ха-ха, оч-ч-чень даже представлю, – весело бросает Лена. – Сергей сказал, ты тут чуть не вешаешься и звонишь в слезах.

– Не то слово... – бормочу, соглашаясь на все сто процентов. – Это просто какой-то маленький монстр. Никогда не думал, что меня так легко опрокинуть в стресс. Чуть не до слёз, гхм.

– Да ну, как раз всё понятно. Тебе сколько лет?

– Шестнадцать. Но давно живу один и ко всему привык.

– К чему ты привык, не имеет значения. У тебя сейчас самый пубертат. В теории, гормональные не то что шторма, а тайфуны. Сергей говорит, ты спортсмен? С жёстким режимом дня?

– Да. Не совсем чтобы прямо по секундам, но живу в очень чётком графике.

– Вот. Сегодня переволновался?

– Немного. Один раз на этом же перекрёстке уже держал на руках сбитую девочку, пока скорую ждал. В этом месяце. Сейчас уже почти что всё знакомо, тьфу три раза. Да и повреждения у этой женщины гораздо скромнее: так, синяки, по большому счёту...

– О как... А что с той девочкой было?

– Разрыв бедренной артерии. И все вокруг стоят – вылупились, как солдат на стриптиз, а скорая через десять минут только, – неожиданно для самого себя делюсь наболевшим.

– Ничего себе, – присвистывает Лена, – и как справился?

Мысленно ругаю себя за длинный язык:

– Да там скорая вовремя подъехала, я вообще ничего не делал. Только сосуд немного пережал вручную, буквально на минуту. Тромб же сам образуется.

Кажется, объяснение проходит, потому что Лена продолжает:

– А сбой режима дня у тебя сегодня был?

– Да. И по времени, пока к вам в больницу со скорой мотался. И по контрольным точкам: ни помыться нормально – она орала, как резаная, как только я в ванную заходил. Ни пожать толком – снова орала, даже приготовить поесть не мог. Потом, по графику заниматься надо, а она читать не даёт – вырывает из рук всё. Короче, каторга – милое и уютное место в сравнении с... Ладно, куда-то меня занесло. Нельзя так о детях.

– Ну вот тебе причины. Твой режим рухнул – уже дискомфорт, плюс стресс, плюс сбой в режиме питания – всё до кучи. Мужики – вообще хлипкий народ. Если говорить о психике. Тем более в твоём возрасте. Вот тебя и развезло.

– Лен, тут такое дело... – думаю, как начать. – У меня две тренировки в день и работа. Мне, с одной стороны, из режима выбиваться – крайне не комильфо. С другой стороны, я не знаю, насколько могу у тебя просить разрешения смыться на несколько часов несколько раз за день? С.В. чётко велел тебя одну не оставлять. Но пока она – тычок пальцем в сторону закрытой двери в комнату – спит, чего я буду тут штаны просиживать?

– Ха, Сергею, конечно, спасибо за заботу. Но договариваться обо мне нужно со мной, а не с ним. Горбуша ещё осталась после обеда?

– Да, вместе с со всеми нарезками – всё в холодильнике, – широко открываю глаза. – А ты её собралась этим кормить???

– А-а-хахах, кто-то перенапрягся. Нет. Горбуша – это мне. Пока тут сидеть буду. Тебя ждать. Я так понимаю, ты уйдёшь три раза за сегодня?

– Надо бы, если отпустишь, – с сомнением плююсь в её декольте.

– Иди уже... Вечером во сколько окончательно вернёшься?

– Часов в одиннадцать.

– Тогда так. Сейчас иди. Телефон всё время держи включённым – мало ли что понадобится. Дай мне запасные ключи от квартиры на всякий случай. Если я тебе не звоню – всё в порядке. Если позвоню – чтоб трубку брал после первого гудка. Просто так теребить не буду.

– Конечно! – заверяю её с полной ответственностью.

– Вечером, как придёшь, будь готов часа четыре не спать – мне немного отоспаться надо будет.

– Лена, без проблем! Всё, что скажешь! Может, ещё что?

– Никто за язык не тянул. Вечером принеси или Bailey's, или любой арманьяк.

– Э-э-э-э-э, а что это?

– Ты в КАРФУР по ночам ходишь, когда в одиннадцать домой идёшь? Спортивный малыш.

– Да, а куда ещё? Всё ж закрыто.

– Вот в нём и спросишь. Отдел алкоголя. Выглядишь взросло, тебе продадут.

* * *

Слава тебе, Господи, могу идти. Хотя уже пора бежать.

Есть ещё в этом мире идеальные женщины. Спасибо, Господи, ещё раз.

10

Добежав рысью до бассейна, останавливаюсь перед входом, словно ушибленный кувалдой. Потом медленно возвращаюсь и сажусь на лавочку перед входом, не зная, как быть.

Ануш. Сейчас в бассейне будет она. Но у неё ещё вообще не было мужчин. Я это вижу.

А дома – Елена, которая... тьфу три раза, чтоб не сглазить.

ПРОКЛЯТЫЙ ПУБЕРТАТ. Что же всё так сложно, чёрт возьми?

Как говорится, есть и «за», и «против» в каждом варианте. С другой стороны, то, что я прочёл о местных социумах, не исключает одного сценария, в котором все интересы учтены.

Проплыв всё, что полагается, встречаемся с ней на выходе из бассейна (поскольку душевые разные). Беру её сумку и начинаю текст сакраментальной фразой, которую сам ещё в той жизни терпеть не мог:

– Аня, нам нужно поговорить.

– Слушаю тебя внимательно, – тут же напрягается она.

– Как ты относишься к сексу?

Удивлённый взгляд в ответ.

– Неожиданно, – признаётся она. – Никак. Пока – никак. Секс – отдельно. Я – отдельно.

– Спрашиваю не просто так. Есть сложности. В этом вопросе.

Она в ответ смеётся. Я себя чувствую не совсем комфортно.

– Сообщил – молодец. Спасибо. Учту. Пошли есть мороженое?

– Что, и всё? Ты больше ничего не скажешь? – моему удивлению нет предела.

– Саня, я тоже очень хорошо к тебе отношусь. Но для меня это – очень серьёзный шаг, и у нас вообще, как правило, прямо связан с замужеством. Замужества сейчас, мягко говоря, не планирую. Мы ещё дети. И даже если ты уже по факту взрослее своих лет – и работаешь, и ответственный, то я – ещё нет. Я – ещё ребёнок. И чувствую себя ребёнком. Мне семнадцать. Я неглупая. Несмотря на возрастные гормоны, я отлично понимаю: любое решение касательно личной жизни, которое делается сейчас, непременно переменится через шесть лет – в первый раз, к окончанию института. Через десять лет – во второй раз. Может, и потом тоже переменится. По статистике, восемьдесят процентов браков, заключенных до двадцати пяти лет, заканчивается разводом. Причём буквально в течение пары лет.

Так что – с сочувствием отношусь к твоим проблемам, но именно в технических вопросах этого характера помочь не могу... Как минимум, пока не могу. Если что-то изменится – ты первый узнаешь. Единственное, что могу предложить в качестве компенсации – не ограничиваю тебя ни в каких действиях. С моей стороны – без обид, как бы ты сам ни продвигался в этом вопросе; моё отношение к тебе не изменится ни в каком варианте. Пошли есть мороженое? – она берёт меня под руку и тащит в сторону открытого кафетерия.

На ходу вспоминается старый анекдот про бомжа в туалете и про то, что жизнь, кажется, налаживается.

* * *

После плавания кормлю Аньку мороженым, пою соком и несусь домой – времени провонять её уже нет. Тем более, что она собирается ко второй бабушке на другой конец города, и ещё середина дня.

Домой предусмотрительно захожу на цыпочках и открывая дверь своим ключом, а не используя звонок. Оказывается, не зря: малышка просыпалась, поела, поиграла с Леной и опять спит. Всё это докладывает мне Лена на кухне. Ну ладно, хорошо.

Сама Лена жуёт нарезанную тонкими ломтями рыбу, запивает пивом – судя по всему, привезённым с собой, и что-то читает с экрана телефона.

– Вы тут не скучали? – спрашиваю, меняя в сумке пакет для плавания на пакет для бокса.

– Шутишь? Ну-у, есть свои неудобства, чего уж там, но не хуже, чем было бы сейчас на дежурстве. Там пива точно не дали бы, – она салютует мне бутылкой.

– Я побежал. Закрою своим ключом.

* * *

Сергеевич сегодня решил устроить что-то вроде свалки «все против всех». Все веса, от шестидесяти до семидесяти пяти килограммов, по кругу меняются друг с другом партнёрами после каждого раунда. Не успеешь подстроиться под одного – гонг и добро пожаловать к следующему. Для меня – очень неудобное упражнение. На «приспособиться» у меня обычно уходит пара раундов. Ну, кроме Вовика – с ним мы друг друга знаем, как облупленные. А тут через один раунд надо менять партнёра на следующего. В общем, к концу этого марафона я дышу уже, как загнанная лошадь.

Сергеевич уделяет каждому по минуте, объясняя личные «дырки» в тактике и подготовке. Мне назидательно подымает палец:

– Зае-ался? – заботливо спрашивает.

– Не то слово, – еле выдыхаю за два вдоха.

– Вот так все чувствуют себя с тобой в последнем раунде. Ты ещё неопытный, и я хотел, чтоб ты прочувствовал. Тебе, чтобы победить, надо только давить в последнем раунде. И даже не так. Первые два раунда – держаться. Кто-то с особо длинными руками тебя даже погонять раунд – два может. Но если противник будет гонять, значит, у тебя будет масса вариантов ввязаться в ближний бой. А тут уже шансы поровну. И ты в ближнем перебеёшь любого в своём весе за счёт здоровья. В смысле, выносливости. На области – точно перебеёшь.

* * *

Снова прибегаю домой, переодеться уже для работы. Лену с ребёнком и коляской застаю на улице, на лавочке перед подъездом.

– О, а вы чего тут?

– Да погода хорошая – чего ей дома сидеть. Ей сейчас гулять нужно. И у меня пиво кончилось – вот совместили приятное с полезным. – Лена тычет носком туфли в багажный отсек коляски (или как это называется), откуда раздаётся глухой звон стеклянных бутылок.

– Хм, а по тебе не видно, что пила.

– Я ещё, можно сказать, не пила. Это – всего лишь пиво.

– Ну, не знаю. Для меня лично любой алкоголь – уже удар по мозгам.

Какое-то время сидим вместе на лавочке, похожие на молодую и глупую семью: ребёнок в коляске (на удивление тихий – вернее, тихая – уж не знаю, что Лена с ней делает и как её успокаивает), пиво под коляской, разговор ни о чём.

Проходящие мимо женщины из соседних подъездов, которые постарше, с явным неодобрением смотрят на меня и почти с ненавистью – на Лену, особенно когда она прикладывает к пивной бутылке. Ну да не будешь же к каждому лезть с объяснениями.

– И как вы с этими детьми справляетесь? Для мужика – просто погибель, – делюсь наболевшим за утро.

– Биология. Я вот вообще не напрягаюсь. – Лена беззаботно отправляет пустую бутылку в мусорку и ногой слегка покачивает коляску. – Если бы можно было – только бы и делала, что рожала и из декретов не вылезала.

– А ты замужем?

– Была. На третьем курсе. На пятом развелись. Детей нет. Пока что.

– А почему развелись, если не секрет?

Она с сомнением смотрит на меня, потом всё-таки отвечает:

– Слишком маленькие были. Ещё не умные. Гормоны принимали за чувства. Темпера-мента у обоих – сверх меры. Было. Экспериментировали, ни на что не глядя. Потом, когда эйфория схлынула, я поняла, что не смогу жить дальше с человеком, вместе с которым вытворяла всё, о чём в трезвом состоянии охота забыть. Ну и – когда ты возвращаешься с аборта, который сделала под влиянием самого близкого, как ты тогда думала, человека, а он первым делом срочно велит тебе сделать минет – отношение ко всему в процессе этого действия резко меняется. К самому человеку – особенно.

Что-то я уже не рад, что спросил. Или это пиво виновато?

Она отпивает из следующей бутылки и продолжает:

– Я могла бы простить ему всех моих подруг, тем более – сама виновата... Не охота вспо-минать, блин... Плюнула бы на отсутствие денег – спасибо родителям, не считаю это главным. Не потому, что оторвана от реальности, просто в моей семье деньги есть, хватит и на вторую семью. Но то, что он не готов был ни отцом становиться, ни позволить мне стать матерью – вот этого я ему простить не смогла. Как-то в один момент словно глаза открылись: я ведь не люблю его. Я не могу любить ЭТО. Где были мои мозги? В общем, как-то так.

Ничего себе, какие у людей бывают тараканы в голове. Не чувствую себя достаточно взрослым в этом теле, чтобы продолжать этот разговор:

– Извини за тупой вопрос, снимаю тему. Не знал.

– Да всё в порядке. Той меня уже давно нет. Я же врач. И первое, что надо делать – это проработку психотравм. Ты же не думаешь, что я с этим не работала и ушла в дальнейшую жизнь без коррекции, проецируя это всё наружу? – она сейчас искренне веселится, я это точно вижу. Надеюсь, это не алкоголь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.